

Искорка

АПРЕЛЬ ● 1969

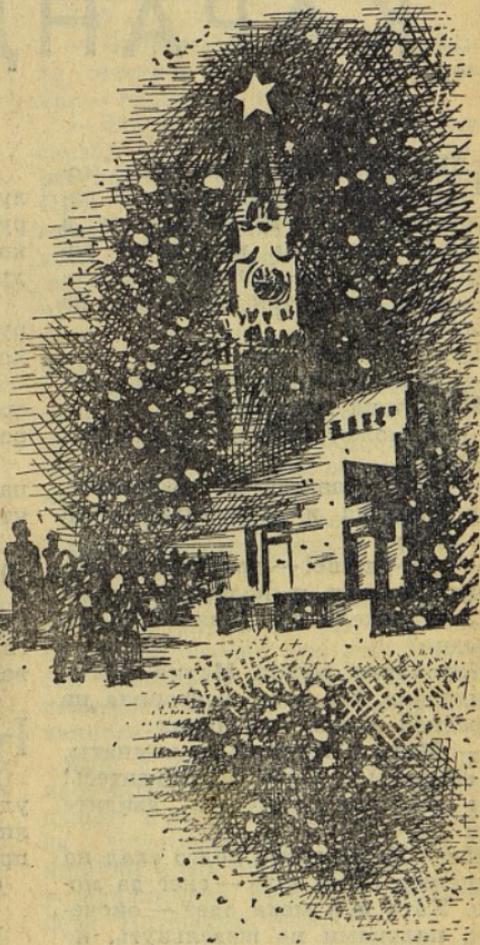
год издания XIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинская
искорка» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Евгений РЫЖИЙ

ПЕРЕД СТАРТОМ

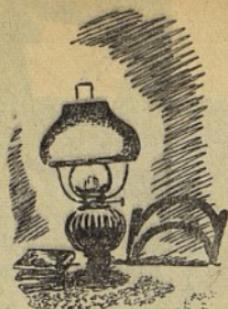
Видно, есть
закон у космонавтов:
перед стартом
в звёздные пути
в гулкой тишине,
под звон курантов
на свиданье к Ленину прийти.
Для того,
Чтоб завтра на рассвете,
взбудоражив вестью высь,
вознести в космической ракете
Ленинскую мысль...

Рисунки Ю. Бочкарёва

М ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
г. Саратова

ХОРОШО ОТТОЧЕННЫЕ КАРАНДАШИ

ИЛЬЯ Николаевич в облаке морозного воздуха вошёл в переднюю. На нём тулуп до полу, а высокий воротник как забор вокруг головы. Медвежья шапка — по самые глаза, так что и лица не видать.

Дети выбежали навстречу:

— Папа приехал! Папа приехал!

Из тулупа прогудело:

— А может быть, это не папа...

Ууууу!..

— Ай! — взвизгнула восьмилетняя Оленька и отскочила. — Кто же это?

— Чу-удище! — дразнясь, протянул Володя и подбежал к отцу. — Неужели не узнала? И не стыдно?

Торопливо вошла Мария Александровна. На ходу выдворила из передней самых маленьких:

— Митя и Маняша, в комнаты, в комнаты... Ещё простудитесь! Вот разденем папу — и увидите его.

Илья Николаевич долго ехал на лошадах. Зима ведь — снег да мороз. Хоть и в меха одет — окоченел, пальцами не шевельнуть, не то что самому раздеться.

Мария Александровна принялась растёгивать на тулупе крючки, а они железные да ещё обледенели... Измаешься!

Володя только и ждал, чтобы тулуп запахнулся. Сразу — рраз за рукав и присел: тянет на себя рукав, тянет... Оленьку послал за другой тянуть.

Тяжёлый бараний тулуп как ружнет — да обоим на головы! Хотел, визг под тулупом!

Но баловство не к месту. Отец стоит с посиневшим лицом, с борды, с усов обирает сосульки.

— Володя, — говорит мать, — папе надо согреться. Беги, скажи, чтобы самовар поставили!

Мальчик выскочил из-под тулупа.

— Я сам поставлю самовар, я умею угли разжечь! — и стремглав на кухню. Оленька, конечно, вслед за ним.

НА столе шумит, пофыркивая, самовар.

Илья Николаевич блаженно улыбается. Он уже согрелся чаем, лицо порозовело, глаза сонливо прищуриваются.

Сам себе удивляется:

— Никак с дороги не напиться!

И Мария Александровна, сидя за самоваром, опять наполняет мужу его любимый стакан в подстаканнике.

Губы Ильи Николаевича тянутся к ароматному чаю, а глоток

сделать непросто. Правую руку захватила полторагодовалая Маняша, на левое плечо Митя навалился. Сбоку прижался Володя, с друга Оля...

Все твердят в одиночку и хором:

— Папа, когда же ты начнёшь рассказывать?

Илья Николаевич с самого первого снега не был дома, а уже — ползимы. Сел в возок с будочкой, которая прикрывает от снега и ветра, сказал кучеру: «Трогай!» — скрипнули полозья, брякнул колокольчик под дугой — и помчались быстрые кони! Возок с отцом как растаял в снежной пыли...

Дети уже едва помнили, как его проводили.

— Папа, ну расскажи... — тянут они, облепив отца. — Ты опять видел тех же мальчиков и девочек? Или уже других? Прошлый раз про чувашских школьников рассказывал, а сегодня про кого будешь?

Илья Николаевич наконец допил свой чай.

— И сегодня, дети, расскажу. Про одного мальчика-мордвина.

— А как его зовут? — насторожился шестилетний Митя.

— А лет ему сколько? — зататорила Оля.

Володя спросил, хорошо ли этот мальчик учится.

Отец ответил всем сразу:

— Мальчика зовут Ваня Смирнов. Ему девять лет, как нашему Володе. Но Володя нынче осенью поступил в гимназию, пройдет восемь классов, будет образованным человеком. А Ваня Смирнов в сельской школе, там всего-то два класса — и те бедняге окончить не удаётся. А мальчик способный, и учится хорошо.

— Папа, но как же так? — удивился Володя и забеспокоился: — А Ване можно помочь? Ты ему помоги, папа?

Илья Николаевич поднялся из-за стола.

— Дети, — сказал он, глядя каждого по голове, — я рад, что дома. Я очень соскучился по вас. Но я

устал с дороги, даже глаза слипаются... Давайте отложим нашу беседу до вечера. Хорошо?

— До вечера, до вечера! — подхватила Мария Александровна. — Папа должен отдохнуть. А вы, пожалуйста, занимайтесь каждый своим делом.

МАРИЯ Александровна уложила Илью Николаевича на диван в кабинете, накрыла пледом:

— Спи.

А он её — за руку и в кресло:

— Не уходи, Маша. Я всё время беспокоился за тебя и детей! Здоровы?

— Здоровы, здоровы, — поспешила ответить Мария Александровна. — Напрасно тревожился.

— Вот и хорошо! — уже весело сказал Илья Николаевич и стал расспрашивать о домашних делах. Про дрова спросил. «Как бы, говорит, не пришлось прикупить дров — зима-то нынче вон какая лютая!» Про картошку спросил, про яблоки из сада. Всё это было заложено в погреб на хранение. Но ведь морозы!..

— Вот что сделаем: в погреб накидаем рогож. И застелем рогожами картошку и яблоки. И капусту... И всё, что там есть. Согласна?

— Хорошо придумал, — сказала Мария Александровна. — Рогож у нас хватает.

Говорят муж с женой, говорят не наговорятся. И уж, конечно, Илья Николаевич про цветы спросил. Выводить и сажать цветы — любимое Марии Александровны занятие.

Ещё с зимы, когда день начинает прибывать и всё чаще заглядывает в окна солнце, в квартире на подоконниках появляются ящички с землёй. Разносили их и устанавливали вместе с матерью дети. Интересно, весело!

Володя раньше всех смекал, куда что лучше поставить.

— Мама, — просил он, — ты не ходи всё время по пятам. Мы сами!

И Мария Александровна, улыбувшись, отступала. Знала: если Володя берётся за дело — выполнит всё аккуратно. Вместе с ним и Оля старается, и Митя. А то, бывает, Володя и Аню притащит за руку, и Сапу. Оба много старше его, посмеиваются над Володиными хлопотами, но тоже берутся ему помогать.

Проходит немного времени. В комнатах тепло да ещё солнышко — земля в ящиках размокает: можно сажать семена. Какие они разные!

Когда мама высыпает их из пакетиков, чтобы перед посадкой вымочить в стаканчиках с водой, дети собираются вокруг стола. И начинается угадывание, из какого семечка что вырастет. Вот будто маленький ёжик свернулся в комочек. Это семечко астры, большого нарядного цветка. А вот едва приметные семена-крючочки: цветы из них тоже вырастают простенькие, но как пахнут! Лучше всех! Это резеда. Чёрные маковинки... Ну из них понятно, что вырастет. А что это за семена? Будто лодочки, только совсем малюсенькие...

— Володя, ты, наверно, знаешь? Ну иди же сюда, объясни!

ИЛЬЯ Николаевич поднял глаза к потолку, потом посмотрел на окна, расписанные морозом, на свой письменный стол, за которым так давно не занимался, на керосиновую лампу под стеклянным зелёным абажуром, которая ползими стоит холодной, даже керосин в ней наполовину высох...

Илья Николаевич встрепенулся, сел на диване.

— Ох, Машенька... — сказал он грустно. — Всё время вспоминал, как она скучает.

— Кто скучает? — не поняла Мария Александровна.

— Да она же, мой верный друг во всех моих занятиях! Она, она... — И Илья Николаевич протянул руки к настольной лампе, как бы желая её обнять.

Мария Александровна рассмеялась.

— И Володя в тебя растёт, — сказала она. — Такой же шутник и забавник. С ним всегда весело. Зимние сумерки сгущаются быстро.

Илья Николаевич встал и провозгласил торжественно:

— Зажигается лампа! Довольно бедняге скучать!

— Обожди, обожди, — Мария Александровна долила керосину.

Илья Николаевич снял с горелки стекло, огоньком спички коснулся фитиля, — и комната озарилась мягким зеленоватым светом.

— А теперь... — Илья Николаевич устроился поудобнее на диване, — теперь про Володю. Рассказывай всё. Но раньше всего о гимназии. Как он там? Привыкает ли?.. Меня это очень заботило. Ведь только подумать: жил мальчик под крылышком матери, в кругу братьев и сестёр, со своей няней дружил неразлучно... И вдруг гимназия — все вокруг чужие. В классе шум, гам, потасовки, тридцать незнакомых мальчуганов, а он один...

— И ещё ростом мал, — встала Мария Александровна. — Оказался самым маленьким в классе.

Илья Николаевич окончательно расстроился.

— Вот видишь как... — пробормотал он. — Значит, и обидеть могли... То-то мне было беспокойно в дороге!

Мария Александровна рассмеялась.

Илья Николаевич посмотрел на неё с удивлением. Тогда она, смеясь, воскликнула:

— Ильюша, всё было не так! Совсем, совсем не так!

И рассказала про Володю-гимназиста.

ПРОЗВОНИЛ колокольчик. Урок кончился, учитель вышел из класса. Перемена! Гимназистам-первоклашкам выбежать бы в коридор, попрыгать, порезвиться, в чехарду поиграть. Но в дверь про-

сунулся верзила — класса из четвертого, наверно, или даже из пятого. Вошёл и объявил:

— Малявки! Выкладывайте завтраки. Вот сюда, — показал он на учительский стол. — Живо, живо! А то всех оставлю без перемены!

Володя Ульянов удивился. Подошёл к старшекласснику, а тот уже запихивает в рот чужие завтраки: выбирает, которые повкуснее, остальные отбрасывает прочь.

Володя вежливо спросил:

— Скажите, пожалуйста, почему вы отбираете у нас завтраки? Потому что вы сильнее? Но это несправедливо!

Верзила посмотрел сверху вниз на рыжеватого мальчика и бросил в него кружком колбасы:

— Брысь! Ещё задираться вздумал?

Жирная лепёшка угодила Володе в лицо, измазала щёку, губы. Мальчик остолбенел: никто никог-

да над ним так не насмехался... От обиды выступили слёзы. Сжав зубы, чтобы не расплакаться, он подступил к верзиле. Сам ещё не мог понять, что надо сделать. Но когда тот замахнулся кулаком — Володя первым ударил, да так метко, что верзилу скрючило. Охает, не может дух перевести...

Мальчики в классе замерли. «Что-то будет теперь?.. Страшно».

Один из них закричал, затопал ногами:

— Ульянов, берегись! Убьёт тебя... Убьёт!

Да, верзила был страшен. Губы злобно сжаты, глаза кровью налились. Выставив вперёд кулачищи, он двинулся на Володю.

Тут уж все закричали:

— Отстань! Не смей! И не стыдно маленького?.. Беги, Ульянов, беги!

Многие из ребят сами кинулись к двери.

Толкнулись, а дверь заперта...
Перестали кричать. В ужасе смотрели, чем всё кончится.

А Володе Ульянову как раз маленький рост и помог. У верзилы руки — как жерди длинные. Пока то размахнётся! Норовит ударить, а Володя брык — и в сторону. Маленький, да вёрткий, от ударов уклоняется, а сам верзиле уже наставил синяков.

В классе обрадовались, кричат, смеются.

— Ульянов! Твоя берёт! Лупи его, лупи!

А Володя:

— Хватит. Не желаю драться. Противно!

Достал платок и принялся вытирать покрасневшее лицо, шею. Ребята кинулись поправлять на нём измявшийся мундир.

— Спасибо, — сказал Володя. — А теперь вытурить его надо отсюда. Берёмся вместе!

Обернулся — а где же он? Верзилы и след простыл.

Видать, не понравилось ему сражаться с рыжеватым мальчиком.

ВСЁ это рассказала мужу Мария Александровна.

Илья Николаевич, улыбаясь, погладил бороду.

— Ай да Володя, — сказал он, — вот ты каков в гимназии!.. Драку не одобряю. Но молодец: за товарищей постоял, да и себя в обиду не дал. Молодец, сынок!

А Мария Александровна:

— Меня порадовала скромность Володи. Заступился за товарищей, при этом одолел сильного парня — и хоть бы слово кому-нибудь. Иной на его месте расхвастался бы. А Володя даже Оленьке не сказал.

ВОЛОДЯ и Оля томилась в ожидании вечера.

— А папа ещё в баню пойдёт... — тоненьким пискливым голоском завела Оля: нарочно запищала, чтобы брату было противнее, а то скучно.

Володя поморщился:

— Не щemi уши...

Он теребил себя за губу — что-то думал... Покрутил рукой, устроил мельницу и выпалил:

— Ох, как мы скоротаем время! Брыкаска будет тебя есть.

Девочка поскучнела:

— Надоели брыкаски.

Володя сделал большие глаза и шёпотом:

— Совсем новая! Ещё не было таких.

Здесь надо объяснить, что такое «брыкаска». Эта игра придумана была Володей, как и многие другие игры. От брыкаски не уберечься. Даже проглотить может, кого захочет. Облизнётся — и нет Оленьки. Облизнётся — и нет Мити. Но бывает брыкаска и ласковая — как вздумается.

В брыкаску рядился Володя. Был в доме старенький полушубок, который уже и не носили. Вывернет его Володя шерстью наружу, напаяли на себя, а сам на четвереньки — вот и брыкаска.

Удирать от брыкаски надо, прячется, а то как зарычит волком, как захочет филином, как цапнет за ногу или за волосы...

— А как это по-новому? — насторожилась Оля.

— Сама увидишь. Митю зови!

Оля и Митя, взявшись для храбрости за руки, вошли в полутёмную залу.

— Чур, не подсматривать! — сказал Володя, закрывая за ними дверь. А сам — в прихожую. Сгрёб в охапку отцовский тулуп, приподнял его — ух, тяжёл! — да и повалился вместе с тулупом на пол. Не унести!

Подлез под тулуп, встал на четвереньки. «Утащу, — думает, — на спине». А тулуп как к полу прирос: карабкается Володя под ним, карабкается — ни с места! Встал, ухватил тулуп за длинный рукав, поволок в зал.

Новой брыкаски не получилось. Да беда не велика! Разостлали тулуп на полу шерстью вверх — и пошла потеха!..

Когда все трое выплясывали ди-

кий танец команчей, в дверях оказалась вынесенная в прихожую лампа. Абажур на ней круглый как шар, и Володе на мгновение показалось, что лампа плывёт по воздуху.

Команчи замерли от неожиданности.

— Это что же такое здесь происходит? — строго спросил отец и вдруг увидел на полу свой тулуп. — Безобразники! — уже вскричал он и поспешно поставил лампу.

Отец взял тулуп на плечо и вышел из залы.

Володя за ним:

— Папа, это я виноват.

Отец принялся укладывать тулуп на место. Володя видел только его спину. «Ужасно как долго укладывается!» — нетерпеливо подумал он.

Наконец отец обернулся. Сказал со вздохом:

— А я-то думал, что ты остепенился... В гимназию пошёл — фуражка, мундир форменный! А у тебя всё те же детские проказы... Огорчён я, очень огорчён!

Отец и сын стояли друг против друга.

Володя сказал печально:

— Теперь я уже не услышу про Ваню Смирнова... Потому что ты долгие меня наказать.

Отец возразил:

— Можешь сам себя наказывать. А про Ваню Смирнова расскажу. Свои обещания я всегда выполняю. — Взял сына за плечо и повёл в кабинет.

— Садись к столу.

Володя сел. На письменном столе был стаканчик с карандашами. Отец выбрал один из карандашей и показал Володе:

— Взгляни, как очинён — в иголочку! А как вокруг графита дерево обточено — это же прелесть! Как на токарном станке! Кто же это у нас такой мастер?

Володя, краснея от смущения, опустил голову. Но тут же взглянул на отца, и карие глаза его засветились мальчишеской радостью.

— Папа, в гимназии я чиню ка-

рандаши друзьям. А тебе... — Тут Володя прервал себя, раздумывая. Он очень любил отца — но не знал, как это выразить. Наконец нашёлся. — Папа, — сказал он, — но не должны же быть твои карандаши отточены хуже, чем у гимназистов!

ПОСЛЕ ужина собрались.

Все сдвинулись, прижались друг к другу — и третий стул оказался лишним. Его подхватил вошедший брат Саша, поиграв им в воздухе, и с шутливым поклоном подал сестре Ане.

Мария Александровна села рядом с мужем.

Илья Николаевич, раздумывая, потрогал усы, бороду, медленно провёл ладонью по голове... Потом сказал, что за долгую свою поездку по губернии он столько повидал интересного, что не знает, с чего и рассказ начать.

Володя, волнуясь, поднял руку, как в классе:

— Про Ваню Смирнова!

— И я хочу про Ваню, — поддержала Оленька.

— Про Ваню, — повторил за нею Митя.

Старший брат Саша сказал, улыбнувшись:

— Ну что ж, здесь голос народа. Присоединяюсь.

— А я, как Саша, — кивнула Аня.

— Отлично, — сказал Илья Николаевич. — Про Ваню так про Ваню. С этого и начнём. Но я что-то уже говорил об этом мальчишке... Напомните-ка...

Тут Володя, Оля и Митя, перебивая друг друга, сказали, что зовут Ваню Ваня Смирнов, что он хороший ученик, но очень бедный, поэтому его хотели выгнать из школы, но папа, потому что он инспектор, выгнать Ваню не позволил...

Илья Николаевич рассмеялся.

— Ну, вы, дети, уже успели фантазировать. Никто Ваню из школы не выгонял. Впрочем, от этого ему не легче. Но лучше расскажу всё по порядку...

Приехал Илья Николаевич в село Промзино — это далеко от Симбирска, в Алатырском уезде. Заходит в школу, а навстречу ему ученик.

— Куда же ты? — остановил он мальчика. — Удираешь с уроков?

Тот молчит. Переминается с ноги на ногу. А на ногах-то лапотки плохонькие, на плечах кофта женская не по росту.

Илья Николаевич не удивился такой одежде: понял, что мальчик из бедной крестьянской семьи.

А бедняк во что только ни обрядит ребёнка, лишь бы в мороз до школы добежал! А там, мол, отогреется.

Одежде не удивился. Удивился Илья Николаевич, увидев на спине у мальчика дорожную котомку.

Спросил уже в беспокойстве:

— Это куда же ты собрался, паренёк?

Мальчик поднял голову. Лицо широкое. Глаза чёрные, блестят как капельки чернил. Спросил с любопытством:

— А вы кто сами будете? Из города?

— Из города, — ответил Илья Николаевич.

— Начальство?

— Начальство, — улынулся Илья Николаевич. — Вот слезу, чтобы ученики не удирали бы с уроков.

Мальчик движением плеча встряхнул котомку, хотя там и встряхивать-то было нечего — пустая. И протянул жалобно:

— А я все-ем ухожу... Больше нельзя мне в школу... До свидания. И — за порог.

Но Илья Николаевич удержал беглеца. «Видать, набедокурил, — подумал он. — А потом испугался, что учитель накажет — и ходу отсюда...»

Тем временем уроки кончились, и ватага ребятшек, прогремев ногами на деревянном крыльчке, рассеялась по деревне.

Илья Николаевич привёл беглеца к учителю.

— Он набедокурил у вас?

— Нет, — отвечает учитель. — Ваня Смирнов поведения примерного.

— Значит, ленив, не хочет учиться?

— Нет, — опять говорит учитель. — Смирнов — прилежный и толковый ученик.

Илья Николаевич только руками развёл:

Ничего не понимаю! Объясните.

— Извольте. — И учитель стал рассказывать про мальчика.

Родом он из глухой мордовской деревушки, где ни одного грамотного. А Ване захотелось в школу. Два дня шагал из своего Палитова, так деревенька называется. Сел мальчик за парту...

Тут учитель покосился на Ваню, который устроился на табуретке, сказал:

— Выйди-ка, Смирнов. О тебе разговор.

Но Илья Николаевич удержал мальчика за плечо:

— Пусть послушает. Если он

умён — наш разговор ему только на пользу.

Учитель продолжал:

— Сел Смирнов за парту. И в устном счёте, и в чтении, и в письме пошёл впереди других. Похвальный лист мы ему выдали — и ну какой весёлый побежал домой! А на вторую зиму мальчика, гляжу, не узнать. Задумчивый, товарищей сторонится. Зовут на перемене: «Айда в снежки!» Бывало, он первым на улицу, а тут шапку возьмёт, да в угол и лицо в шапку...

Илья Николаевич перебил:

— Что же случилось у мальчика? Вы его спрашивали?

— Один раз разревелся, — сказал учитель, — а то бы не добиться толку! Все внесли за право учения, а Смирнов не несёт. «Напомни, — говорю, — маме, чтобы уплатила шесть рублей. Иначе в школу не буду пускать». А он — в слёзы. «Не возьму я у матери шести рублей. Она и без того пухнет с голоду... Выгоняйте из школы!»

Учитель повернулся к мальчику:

— Так это было, Смирнов? Но я же тебя не выгнал?

Мальчик позёвывал и болтал ногами. Скучен ему был этот разговор старших. Говорят, говорят, а что толку? Словами делу не поможешь.

Он встал с табуретки и сказал городскому начальнику:

— Мне бы засветло выйти. А то ночью в наших местах волки бродят... Чем отобьюсь? Тогда кудели мне давайте и спичек коробок.

Илья Николаевич рассмеялся.

— Однако, какой деловитый!.. Только погоди, Ваня, с куделью да со спичками. Сперва расскажи, что у тебя дома. С матерью живёшь? Кто ещё в семье?

— Мать да тётка, а из мужиков только я один. — И рассказал мальчик про горестную свою, бедняцкую жизнь.

Ни лошади, ни коровы, значит, в поле не выедешь, хлеба своего не посеешь. А есть-то надо. Идёт мать к помещику, кланяется, вы-

прашивает мешок муки до святков. А чем этот долг отдать? Помещик велит — холстами.

В избе у матери ткацкий стан крестьянской работы, из брёвен. Ох, и тяжёл на ходу! Чуть свет — а мать уже у стана. Стучит, стучит ремизками, гоняет челнок с правой руки на левую и обратно... К полудню умается. Тут тётка садится к стану... И так допоздна, до третьих петухов. Почти что и спать им не приходится.

Ткут да ткут, ткут да ткут... Но вот ведь какая у помещика арифметика: никак за мешок муки с ним не рассчитаться!

Рассказал всё это Ваня Смирнов. Нахмурился:

— Нет у матери шести рублей, Отпустите. Домой пойду.

Илья Николаевич:

— Но учиться ты хочешь? Или уже расхотелось? Неужели твоя деревня Палитово так и останется без грамотного человека?

Мальчик вдруг схватился руками за лицо — да как заревёт... Его не трогали: проплачет, станет легче.

Приутих наконец.

— Можно, пойду умоюсь? — Голоса мальчишеского не узнать: бас себе нарвел.

Вернулся и опять вскарабкался на табуретку.

Илья Николаевич, улыбаясь, подсел к мальчику:

— Снимай, Ваня, котомку. Оставайся. Будешь учиться. Я начальник и освобождаю тебя от платы. Забудь про шесть рублей.

Но мальчику надо и в другом помочь. Зимой, в школьное время, он живёт тут же, в Промзине. Хозяйка держит его на квартире, кормит, поит и требует за это в месяц два рубля с полтиной.

Илья Николаевич вынул бумажник и дал из своих денег учителю: попросил, чтобы учитель каждый месяц расплачивался с хозяйкой Вани Смирнова.

ИЛЬЯ Николаевич закончил свой рассказ. Обвёл глазами слушателей.

Митя уже давно сорвался с места и, пряча слёзы, уткнулся головой в колени матери. У Оленьки словно розы расцвели на щёках, но девочка крепилась, не заплакала.

Старшие — Аня и Саша — сидели, задумчиво опустив головы.

Отец, помолчав, добавил:

— Дети, я как сейчас вижу перед собой лицо Вани Смирнова. Как счастлив был он, узнав, что остаётся в школе! Как просиял весь... Не нахожу слов описать эти минуты! А как рады были за мальчика мы с учителем...

Все по-прежнему молчали.

А Володя:

— Папа, ты позволишь мне что-то подарить Ване Смирнову?

— Конечно, сынок, — отозвался Илья Николаевич.

— Тогда я сейчас! — И Володя, сбегав к себе в комнату, вернулся с пеналом в руках и с квадратной дощечкой.

Сел к столу, принялся за дело. Раскрыл перочинный ножик. Выбрал в пенале целый карандаш, взял в левую руку и приставил концом к дощечке.

— Ножик у меня острый, хорошо берёт! — сказал Володя. И в самом деле: стружка пошла с карандаша тонкими, ровными завитками.

За спиной Володи уже стоял отец. Подошли и Саша с Аней. Встала на цыпочки Оленька. Подошла Мария Александровна, и Митя прибежал. Все с интересом глядели, как ловко Володя оттачивает карандаш.

— Теперь, — сказал он, — заостряю чёрный носик...

— Графит, — подсказал отец.

— Графит, — повторил за ним Володя. — Готов графит. А теперь...

С этими словами мальчик поставил ножик на ребро и принялся осклабивать очинённый карандаш. Из-под лезвия ножа уже не стружка падала, а лишь древесная пыль.

— Всё! — закончил дело мальчик.

Отец взял карандаш и поднял осматривая.

— Выточен абсолютно правильный конус! Удостоверяю, как математик. Молодец!

А Володя:

— Папа, ты уже догадался, для кого этот карандаш?

Отец улыбнулся:

— Кажется, догадываюсь.

— Папа! — пылко сказал Володя. — Я Ване Смирнову полный пенал карандашей наточу. А когда он все испишет, пусть опять пришлёт мне. Я ему всегда-всегда буду оттачивать карандаши!

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Петровская баллада

*Корабль над городом плывёт
по облакам, через столетья,
и в парусах грохочет ветер,
лохматя синь балтийских вод.*

*Тверда петровская рука,
она умела в бурю править...
...О, наша былъ,*

*о, наша память, —
фрегат, связующий века!*

*Корабль над городом плывёт
и видит нас внизу,
в пучине.*

*По этой, может быть, причине
к нему мы рвёмся*

*в небосвод.
Как хочется быть на борту —
его бессменным экипажем!..
Идём по звёздам.*

*Небо пашем,
свет излучая на лету.*

А. ЗВЕРИЦЕВ

Шифр «3—7»

Рисунки В. Адаэва

СТАРАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

Что такое архив? Это, конечно, знает всякий.

На любом заводе, в любом институте и даже в школе есть архив.

Архив — это хранилище документов.

Если вы, скажем, через двадцать лет захотите узнать, какая отметка у вас по географии в седьмом классе за третью четверть, — обратитесь в школьный архив...

Так вот, в Москве на Советской площади тоже есть архив. В нём собраны документы по истории нашей партии. Один из самых больших архивов страны.

Однажды сотрудник архива, перебирая папки с документами, наткнулся на старую, сильно потёртую географическую карту России. Карта была самая обыкновенная, в своё время таких было много, и сотрудник удивился: как это столь обычная вещь попала в архив и хранится со всей тщательностью, словно важный исторический документ!..

«Наверное, случайно», — подумал он и отложил карту в сторону.

Просмотрев одну папку, затем другую, сотрудник снова вспомнил о карте.

«Любая бумажка, которая находится в этом здании, имеет отношение к истории. Значит, и карта имеет какое-то отношение... Но какое? Покажу-ка я её своим товарищам».

Разглядывая неожиданную находку, кто-то из коллег сказал, что знает, откуда карта.

— Она из Военно-статистического сборника.

— Ну и что? — сказали работники архива. — Это ещё ни о чём не говорит.

— Пока не говорит, а потом, может, скажет...

— Смотрите! — воскликнул вдруг сотрудник, который обнаружил карту. — Смотрите! На обратной стороне что-то написано...

Карту поднесли к сильной электрической лампе.

И действительно: все увидели еле заметные карандашные надписи. Не из-за этих ли надписей попала карта в исторический архив?

НЕВИДИМЫЕ ЛУЧИ

Как же прочесть старую, полустертую, выцветшую от времени карандашную надпись?

Когда-то подобная задача была неразрешима. Сегодня у наших учёных есть замечательный помощник — инфракрасные лучи. С их помощью можно прочесть старые-престарые надписи. Именно благодаря инфракрасным лучам учёным удалось прочесть древнейшие египетские тексты, написанные ещё до нашей эры.

Вполне естественно, что карту показали специалистам по инфракрасным лучам.

— Поможете? — спросили специалистов сотрудники архива.

— Поможем! — ответили те.

Через несколько дней карта возвратилась в архив, а с ней и фотографии, сделанные в инфракрасных лучах.

Посмотрели в архиве на снимки — и руками развели: фотография обратной стороны представляла собой сплошь исписанный лист!

Но самое главное, что поразило всех, — это почерк.

Удивительно знакомый!

Уж кому-кому, а им, работникам архива истории партии, этот почерк был известен отлично.

Карту и фотоснимки с неё срочно передали в Институт истории партии.

ЛЕНИНСКИЙ ПОЧЕРК!

Учёные—народ осторожный; они хоть и видят, что перед ними определённо ленинская рукопись, но утверждать это на сто процентов пока не решаются.

Им доказательства нужны.

Поэтому фотографии с текстом отправили экспертам, занимающимся исследованием почерков.

У каждого человека своя манера писать буквы. Один, например, буквы пишет высокие, тонкие, другой, наоборот, — толстые и низенькие. Один пишет, скажем, букву «д» хвостиком вниз, другой — хвостиком вверх... У одного почерк быстрый, размашистый, а другой пишет медленно, каждую букву выписывает. Бывает, конечно, что у некоторых людей почерки схожи, но это только на первый взгляд. Стоит присмотреться к написанию отдельных букв, и разница сразу станет заметна.

По манере написания отдельных букв и устанавливают принадлежность почерка специалисты.

За ленинский текст независимо друг от друга взялись сразу несколько экспертов. Несколько — чтобы вероятность ошибки была исключена.

Прошло некоторое время, и эксперты высказали свое мнение: на карте писал Ленин!

КАК ДОКАЗАТЬ!

— Очень хорошо! — сказали историки. — Но как доказать, что эта карта была у Владимира Ильича?

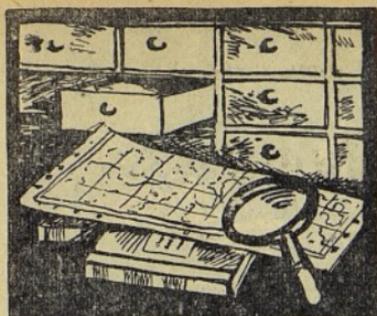
— Это уже не по нашей части, — ответили эксперты.

И тогда кто-то вспомнил, что карта эта из Военно-статистического сборника.

Проверили ещё раз. Оказалось — точно.

«Ну и что?» — скажете вы.

А вот:

Из воспоминаний родных и близких Владимира Ильича известно, что для работы над книгой «Развитие капитализма в России», которую В. И. Ленин начал писать в 1895 году в тюрьме, он пользовался картами из Военно-статистического сборника.

Оттуда и была эта карта.

О ЧЁМ ЖЕ ПИСАЛ ИЛЬИЧ!

Итак, в руках учёных оказалась никому ещё не известная ленинская рукопись.

Что же писал в ней Владимир Ильич?

Вот этого, к сожалению, пока никто не мог сказать. Дело в том, что это была шифровка.

Учёные предполагали, что перед ними, вероятно, одно из писем Ильича. С помощью шифрованной переписки Ленин руководил из тюрьмы деятельностью оставшихся на свободе членов «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Возможно даже, что текст скрывает какую-то неизвестную ещё страницу из истории рабочего движения.

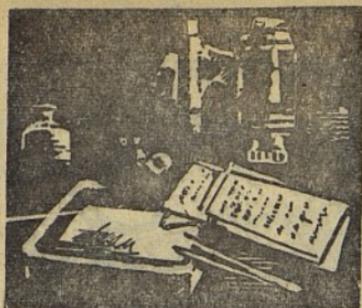
Все, кто узнал о находке, чуть ли не ежедневно звонили в Институт истории партии и спрашивали:

— Ну как, прочитали?

— Нет, — отвечали учёные. — Ещё не прочитали. Но прочтём.

Однако прочесть текст им не удалось.

Тогда решено было показать рукопись опытным дешифровщикам.

Они, дескать, постоянно имеют дело с шифрами и, конечно, сумеют прочитать.

Вначале работа дешифровщикам не показалась трудной. В первый же день они прочли несколько слов. Во второй день только одно слово. А дальше, сколько ни бились, ничего прочесть не смогли.

КАРТА ЕДЕТ В ЛЕНИНГРАД

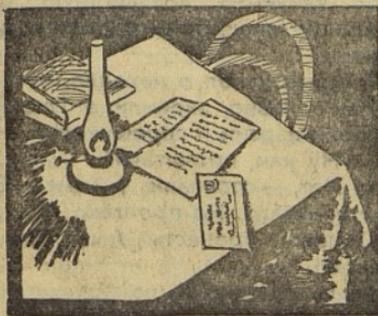
Учёные задумались: к кому же ещё обратиться?

И тогда кто-то предложил:

— Давайте покажем рукопись Корольчук. Она написала не одну работу по истории девяностых годов и не раз сталкивалась с загадками текстов. А в данном случае знание времени, может быть, гораздо важнее, чем знание шифров.

С мнением учёного согласились.

И действительно. Если специалист по шифрам прочтёт в тексте, скажем, «Семён Семёнович», то он, понятно, решит, что это чьё-то имя или подпольная кличка, во всяком случае, он будет думать, что говорится о человеке. Историк же, хорошо знакомому с девяностыми го-

дами, совершенно ясно: «Семён Семёнович» — это не что иное, как «Северный рабочий союз»...

Так ленинская рукопись попала в Ленинград, на вторую линию Васильевского острова к доктору исторических наук Эсфири Абрамовне Корольчук.

«МИНИН» И «ПОЖАРСКИЙ»

Теперь давайте на время оставим разговор о рукописи и мысленно перенесёмся в далёкий 1895 год.

В ночь на 9 декабря 1895 года полиция арестовала руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В числе арестованных были Ленин, Кржижановский, Шелгунов...

Оставшиеся на свободе товарищи однажды получили из тюрьмы письмо.

Письмо как письмо: никаких недозволенных тюремным начальством вопросов, всё чин по чину, а в конце — большой список книг. Стали читать список и растерялись: не могут понять, зачем Владимир Ильич про какие-то странные книги спрашивает.

Думали, думали и догадались: не про книги он вовсе спрашивает, а про своих товарищей — кто арестован, а кто нет? И названия книг служат для этого шифром.

У каждого члена «Союза борьбы» была своя подпольная кличка. А. Ванеева и М. Сильвина, которые всегда вместе ходили, товарищи называли «Минин» и «Пожарский».

Владимир Ильич спрашивал в письме про книгу Костомарова «Герой смутного времени». В этой книге речь как раз шла о Минине и Пожарском.

Товарищи поняли, о ком спрашивает Ильич. Но вот как ему ответить, чтобы полиция ничего не разобрала?

Решили воспользоваться тем же способом шифровки: дескать, первого тома той книги, которую вы спрашиваете, Владимир Ильич, у нас нет, а второй есть!

Это означало, что арестован А. Ванев («Минин»), а М. Сильвин («Пожарский») на свободе.

Это только один из способов ленинской конспирации.

ШИФР «3—7»

Вернёмся на вторую линию Васильевского острова к доктору исторических наук Э. Корольчук.

Тем, кто бывал в лабораториях физиков или химиков, кабинет историка покажется скучным. Никаких аппаратов, никаких пробирок и колб. Только стол. На столе стопка бумаги. Авторучка, чернила. А вдоль стены большущая полка с книгами.

Главные инструменты историка-исследователя — знания, терпение, интуиция, то есть способность предугадать верный путь к истине...

Первое, что удалось установить Э. Корольчук: в тексте применены разные способы шифровки.

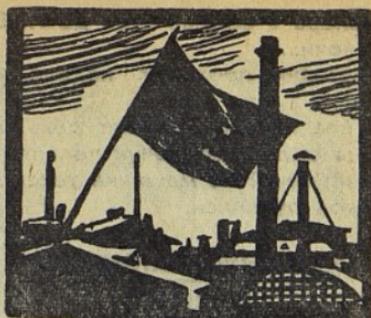
Иногда один за другим в строчке идут наборы букв. Попадают слова, написанные на двух языках: одна половина — по-английски, другая — по-немецки или по-русски. Часто встречаются группы цифр.

Как-то Корольчук, занимаясь сопоставлением некоторых групп цифр, вдруг заметила, что чаще других повторяются две: 3 и 7, а возле них всюду стоят маленькие, еле заметные вопросительные знаки.

Случайно ли это? Не являются ли эти две цифры ключом к некоторым словам текста? Может быть, Владимир Ильич этими вопросительными знаками хотел привлечь внимание читающего?

А что, если третью букву алфавита попробовать заменить седьмой?

Корольчук пишет на длинном узком листке алфавит, а затем переписывает его, соответственно заменяя буквы. На другом таком же листке седьмую букву заменяет третьей. Затем берёт два слова из письма и, пользуясь то одним, то

другим алфавитом, читает «С-Д ждут решения».

«С-Д» — это социал-демократы.

Применяя найденный ключ «3—7», Корольчук пробует читать дальше, но терпит неудачу: в тексте что ни абзац, то новый способ шифровки.

Случается, в одном слове замаскирована целая фраза. Прочти-ка её, попробуй!

Кое-где надо просто догадываться. Например, слово «воры». О каких это ворах идёт речь? Может быть, о тех уголовниках, которые сидели в той же тюрьме, что и революционеры?

Но в камере Владимир Ильич сидел один. На прогулках тоже, кажется, ни с кем не разговаривал. Тогда кто же они, эти самые воры?

Оказывается, самые обыкновенные «ВопРосЫ». Так было замаскировано это слово.

Корольчук подолгу не отрывается от текста. Она уже настолько изучила его, что ей даже во сне видятся отдельные строки: ведь рабочий день Корольчук продолжает

ся теперь с восьми утра до глубокой ночи...

Идут дни, проходят недели, месяцы...

И вот наконец настает день, когда на столе Корольчук появляется отпечатанный на машинке текст ленинской рукописи.

ЧТО БЫЛО НАПИСАНО НА КАРТЕ

Вам, конечно же, хочется поскорее узнать, о чём писал Владимир Ильич на старой географической карте.

О разном.

В то время на фабриках и заводах Петербурга всё чаще и чаще вспыхивали стачки. Измотанные непосильным трудом, рабочие отказывались работать на капиталистов. Но в борьбе рабочих пока не было организованности, не было единой, чётко сформулированной цели. А без ясной цели и без организованности победы не добьёшься. Это знает всякий.

И вот Владимир Ильич пишет на карте, что рабочие прежде всего должны выдвинуть требование восьмичасового рабочего дня. Он предлагает своим товарищам по «Союзу» распространять листовки с таким требованием.

Чтобы показать рабочему, кто его враг, Ленин предлагает выпустить листовку, где бы нищенский заработок рабочего сравнивался с

прибылью капиталиста. Пусть рабочие видят, на кого они работают.

Но самое главное, о чём писал Ильич, — это о необходимости объединить все рабочие кружки России в единую организацию, то есть партию.

Представляете? Может быть, именно на этой старой географической карте Ленин впервые записал мысль о создании нашей партии?!

И СНОВА ЗАГАДКА

Итак, рукопись расшифрована и прочитана. Содержание её ясно...

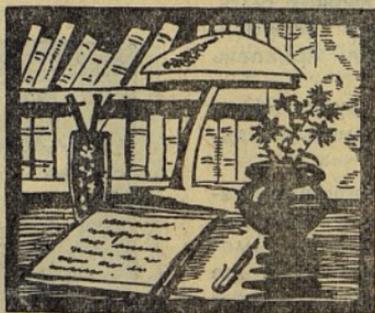
Но что такое эта рукопись?

Зашифрованное письмо с чёткими инструкциями для товарищей по «Союзу» или, может быть, только черновик такого письма? А может, это наброски какой-то будущей статьи? Или просто записанные и зашифрованные от жандармских глаз мысли...

Ни на один из этих вопросов пока нет точного ответа.

Но ответ найти надо. Ведь этот документ — страничка нашей истории.

И давайте пофантазируем: может, кто-нибудь из вас, сейчас читающих эти строки, в будущем станет историком и сумеет доказать, что именно на этой старой карте была впервые записана ленинская мысль о необходимости создания партии.

Три портрета Ильича

Эту старинную фотографию я увидел еще школьником: за небольшим столиком сидят четыре человека, рядом стоят ещё трое. В центре нетрудно узнать Владимира Ильича. Да и подпись гласит: «В. И. Ленин среди членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Февраль 1897 года».

Вот эта подпись и заставила меня задуматься. Все семеро — революционеры. Союз, членами которого они состояли, был тайным. Значит, свою работу эти борцы за свободу народа вели подпольно. За ними не престанно охотились царские жандармы, целая свора полицейских сыщиков. Отважные подпольщики должны были быть особенно осторожными, чтобы ничем не выдать себя. Каждую встречу друг с другом надо было тщательно продумать: как её организовать, где и когда, чтобы не попасться в лапы царских ищеек. А тут, на фотографии, они сидят совершенно открыто, никого и ничего не боясь.

Много я читал о революционной работе Ильича в подполье. Знаю, что был он искусным конспиратором, человеком, который умел водить жандармов за нос. Строгой конспирации требовал он и от всех своих товарищей...

Долго я не находил ответа на волновавший меня вопрос. И в конце концов занялся историей этого группового портрета.

Рассказал мне её один из людей, заснятых на фотографии. Он сидит за столиком слева от Ильича: Глеб Максимилианович Кржижановский.

Глеб Максимилианович прожил долгую жизнь. Накануне его 85-летия редакция послала меня в Москву, чтобы написать очерк о самом старом бойце большевистской партии. Много рассказывал мне Глеб Максимилианович о своей революционной молодости, о дружбе с Ильичём. Вот тогда-то я и решил спросить у него о старинной фотографии.

— Как же так: снимались вы в царское время, за вами слежка, а вы совершенно открыто выставили себя чуть ли не напоказ?

Глеб Максимилианович улыбнулся, встал и вышел в соседнюю комнату. Через несколько минут он возвратился с папкой в руках. Раскрыл её, достал пожелтевшую от времени фотографию.

— Вот такие снимки получил каждый из семерых сфотографированных здесь людей. Это не копия, а подлинная фотография, полученная мной из рук фотографа на Вознесенском проспекте (теперь проспект Майорова). А историю её появления на свет я вам сейчас расскажу.

У пятерых заснятых здесь — бороды. И у Ильича тоже. Но все они молоды. Ленину только двадцать шесть лет. Он был уже опытным революционером-подпольщиком, нашим вожаком. И конспиратором Ильич был преотличнейшим.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в очень трудных условиях сумел проделать большую работу. Целая армия сыщиков охотилась за нами. Подпольщикам приходилось всё труднее и труднее. И в конце концов в ночь с восьмого на девятое декабря 1895 года нас арестовали. И Ленина, и меня, и всех остальных, которых вы видите на фотографии.

Привезли нас на Шпалерную улицу, где находился Дом предварительного заключения. Допрос за допросом. Но мы знали, как надо держать себя на случай, если попадёмся в лапы охранки, знали, что отвечать, чтобы не выдать оставшихся на свободе товарищей.

Так нас продержали здесь год с лишним. Мы думали, что будет суд. И вдруг загремели засовы, защёлкали замки, раскрылись двери тюремных камер. Всех арестованных по делу «Союза» повели к начальнику тюрьмы.

Он встал из-за стола и объявил, что по царскому повелению всех нас отправят в ссылку в Сибирь. И всех в разные места.

— Господа, — вдруг эдаким вежливым и сладеньким голосом заговорил начальник тюрьмы, — для устройства личных дел предоставляю всем вам три дня полной свободы. Надеюсь, что по истечении этого срока я вас снова увижу здесь...

Упитанный жандармский офицер погрузился в кресло, забарабанил пальцами по столу и, притворно улыбаясь, глядел на нас... На его самодовольном лице можно было прочитать: «Вот видите, какой я добрый, — даю вам три дня полной свободы, делайте что хотите...»

А мы и действительно подумали — с чего это он так расщедрился? Ну и, конечно, быстро смекнули... Начальник тюрьмы полагал, что мы сразу так и ринемся к товарищам, оставшимся на свободе. За нами, конечно, будет пущена свора сыщиков, а в результате — богатый «улов».

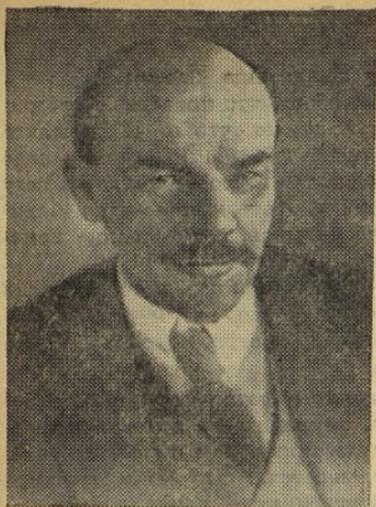
Но жандарм просчитался. Встречи с подпольщиками состоялись, но проведены они были столь искусно, что не случилось ни одного провала. А выйдя из тюрьмы, мы дружной группой так и пошли по улице города. Идём взволнованные, возбуждённые... И вдруг поравнялись с домом, на котором вывеска: «Фотография». Позабыл только фамилию хозяина...

Через три дня нам предстояло расстаться. Сошлют нас в далёкую холодную Сибирь, в разные места. И в эту минуту сама собой родилась мысль — сфотографироваться всем перед разлукой, сохранить на память карточки, так тогда говорили.

Поднялись в павильон, интересуемся, сможет ли фотограф быстро выполнить наш заказ.

— Через неделю, только через неделю...

Объяснили ему, что разъезжаемся, уговорили. И вот каждый получил такую карточку. Как видите, конспирация не была нарушена. Все семеро хорошо были известны царской охранке, ни одного нового лица жандармы здесь не увидели.

Вот вам и вся разгадка. С той далёкой поры берегу я эту фотографию, как самую дорогую память о друзьях-товарищах и прежде всего об Ильиче.

ИСТОРИЮ второго портрета Ленина я услышал от старого фотографа М. С. Напельбаума. Это был замечательный мастер своего дела. Особенно хорошо он выполнял фотопортреты. Напельбаум давно умер, но оставил для истории дорогое наследство — сотни фотопортретов выдающихся революционеров, учёных, писателей, поэтов,

художников, артистов... Эти фотографии воспроизводятся во многих книгах и альбомах. Ему выпало большое счастье выполнить портрет Ленина — первый после победы Великого Октября.

Владимир Ильич не любил фотографироваться. «Снимайте народ, массы», — говорил он фотографам. Большинство его портретов сделано со стороны, когда Ильич не видел, что его фотографируют. Обычно это происходило на митингах, собраниях, демонстрациях...

В конце января 1918 года Центральный Комитет большевистской партии постановил издать сборник избранных сочинений Ленина. Вот для этой книги и потребовалась фотография Ильича. Правительство ещё не переехало в Москву, и Владимир Ильич жил в Смольном. Сюда и пригласили для съёмки фотографа Напельбаума. Он вспоминал:

— Январь выдался тогда очень лютый. В ателье — жуткая холодина. Охотников фотографироваться очень мало. И вдруг — звонок... Открываю — двое. Один в шинели, другой в кожанке. Приглашаю их в ателье, думаю, будут сниматься. А они улыбнулись в ответ и объяснили, что приехали за мной и просят сфотографировать Ленина.

Я уже знал от других фотографов, что товарищ Ленин отказывается позировать. А тут мне на долю такое счастье выпало! С другой стороны, я очень волновался — пластинки были старые, освещение слабое. Можно было и провалить съёмку.

Беру с собой огромную фотокамеру, штатив — тяжёлая такая тренога, футляр с пластинками. Поехали. В Смольном в приёмной я увидел Ильича, — он беседовал с какими-то товарищами. Я ждал. Ленина предупредили о предстоящей съёмке. Закончив беседу, он подошёл ко мне и сказал:

— Ну, что ж, решение ЦК надо выполнять...

Пошли мы в один из залов, где было больше света. В руках Ильича папка с бумагами, газеты. Покуда я прилаживал свою треногу и камеру, Ленин, опершись рукой на стол, начал читать какой-то документ. Выбираю место, где лучше снимать. Выбрал. А Ильич настолько углубился в чтение, что забыл обо мне. Неловко как-то беспокоить его.

А Ильич всё читает и читает... Даже ни разу головы не повернул. Вдруг свершилось чудо: сквозь серые январские облака выглянуло сол-

нышко, и лучи его прорвались в помещение. Взглянул в окно, вижу: недолгое это солнце. Вот-вот спрячется...

— Товарищ Ленин, — тихо окликнул я Владимира Ильича.

Он очнулся, увидел треногу и стал извиняться, что позабыл о съёмке. Тут уж я не стал терять времени, только и думаю, чтобы не скрылись драгоценные лучи. Волнуюсь ужасно. Аппарат тяжёлый. В то время надо было сначала точно навести аппарат и лишь после этого вставить кассету с пластинкой. Взял себя в руки, готовлю съёмку. Хоть и не хочется Ильичу, а позирует он хорошо. Сделал несколько снимков, и тут солнце помахало нам ручкой, скрылось за серой пеленой.

Попрощался с Владимиром Ильичём — и в автомобиль, который ждал меня у подъезда Смольного. Погрузил своё хозяйство, еду, а сердце вот-вот выскочит из груди. Сфотографировать-то я сфотографировал, а что получится из этого?

Поднялся на верхний этаж в ателье и прямо в фотолабораторию. Как согрел её. Готовлю свежий проявитель, закрепитель. Включаю красный свет и приступаю к работе. Опустил пластинку, проявляю, секунды кажутся часами, а изображение не прорисовывается... Это были поистине страшные секунды, но вот вздыхаю с облегчением, — проявляется, всё идёт в полном порядке. Теперь всё страшное позади. Фотопортрет Ленина будет.

Снова приехали товарищи из Смольного, повезли отпечатки на просмотр Владимиру Ильичу. На мой взгляд, портрет получился удачным, но понравится ли он товарищу Ленину?

Вскоре позвонили по телефону: снимки понравились и даже очень. Более того, на одном из них он собственноручно поставил дату «31 января 1918 года» и, кроме того, сделал приписку: «Очень благодарю товарища Наппельбаума. Ленин». Представляете, как я был счастлив!..

ТРЕТИЙ портрет Ильича выполнен уже не фотоаппаратом. Ленина зарисовал известный советский живописец, ученик великого Репина художник И. И. Бродский. Одна из его картин «Ленин в Смольном» особенно широко известна. Запечатлел он вождя народов и в других своих работах. А портрет, который мы воспроизводим сегодня, сделан карандашом. Интересную историю рассказал мне сам художник.

И. И. Бродский часто рисовал портреты для «Ленинградской правды», где я тогда работал. Я передавал художнику просьбу редакции, а потом ездил к нему на квартиру за выполненным рисунком.

Однажды я поехал к нему на нашем стареньком «фордике». За рулём — наш знаменитый шофёр Егор Павлович. В своё время он был извозчиком в Питере, но с появлением автомобилей изменил лошадке, сел за баранку. Выглядел он очень солидно: бородка клинышком, ни дать ни взять — важный государственный деятель старых времён. Егора Павловича часто приглашали на киностудию, когда снимались исторические фильмы.

Бродский встречает меня радушно:

— Чего так запыхался?

— Рисунок в праздничный номер газеты, надо скорее доставить.

— Успеется, — и садится дорабатывать портрет. — Ты на машине или трамваем?

— «Фордик» внизу дожидается.

Бродский подошёл к окну и посмотрел вниз. Я нервничаю, каждая минута дорога, а художник стоит и смотрит...

— Ты погляди-ка на этого человека, какое лицо, какая статья!.. Видать из бывших... Прямо сенатор какой-то, — зовёт меня Бродский.

— Да не сенатор, а шофёр наш, Егор Павлович, — отвечаю я.

— Зови его навверх.

Делать нечего. Позвал я Егора Павловича. Бродский усадил его и начал зарисовывать. Минут через пятнадцать набросок был закончен. Художник прислонил картон к спинке кресла и отошёл, чтобы разглядеть издали. Он смотрел то на портрет, то на Егора Павловича, сравнивал и наконец спросил самого шофёра:

— Ну как, похож?

— Как вам сказать, — не смущаясь ответил Егор Павлович, — вроде бы и не похож.

— Как не похож? — переспросил Бродский.

— Похож, да что-то не совсем.

И тут художник рассказал нам историю портрета Ильича.

— Со стороны всегда виднее... Все говорят, что похож, а человек, которого зарисовали, утверждает, что никакого сходства нет.

...Во Дворце Урицкого происходило торжественное открытие II конгресса Коминтерна. Я получил пропуск не только для себя, но и для некоторых других мастеров, чтобы зарисовать делегатов, прибывших из разных стран.

Выбрал себе место недалеко от президиума, где мог близко наблюдать Ленина, сделал несколько зарисовок.

На другой день на Поле Жертв Революции (Марсовом) происходило возложение венков на могилы павших борцов за свободу народа. Вместе с делегатами прибыл сюда и Владимир Ильич.

Сделав зарисовки возложения венков, я решил подойти к Владимиру Ильичу и попросить расписаться на одном из его портретов, который выполнил накануне. Владимир Ильич взял у меня лист и начал внимательно рассматривать. Потом сказал: «Может быть, рисунок и хорош, только не похож».

Честно говоря, я крепко смутился. Мне казалось, что портрет очень удался, и вдруг — «не похож». Но тут начали рассматривать работу делегаты, окружавшие Ленина. И все как один утверждали, что Ильич даже очень похож на портрете. Ленин был изображён в профиль, и окружавшие говорили Ильичу, что мы мало видим себя в профиль, поэтому и кажется, что не похож.

Ленин снова взял лист с портретом, опять стал рассматривать. Потом попросил карандаш и сказал:

— Первый раз в жизни подписываюсь под тем, с чем не согласен... — и засмеялся.

Я хотел было положить портрет с дорогим автографом в папку, но мне не дали этого сделать. Лист пошёл по рукам делегатов. И вдруг вижу, что Ленин опять взял портрет и внимательно присматривается к рисунку. Потом протянул мне лист и сказал:

— А ведь, кажется, действительно похож, — и приветливо, с хитринкой, улыбнулся.

Кто чему учится

Звери —
в зарослях лесных,
рыбы —
в заводях речных,
птицы —
между веток
обучают деток.
А девочки
и мальчишки
в школе учатся
по книжке.
Учат мамы:
рыбку — плавать,
зверя — бегать,
птиц — летать.

А ребят
учитель учит
всё уметь
и много знать.
Как большими
вырастают,

рыбы —
плавают в воде,
птицы —
в воздухе летают,
звери —
бродят по земле.
Человек же
вырастает —
ездит!
Плавает!
Летает!
И всё больше
узнаёт!
И всё больше
создаёт!

Для него
повсюду дом:
и на льду
и подо льдом,
на земле
и под землёй,
на воде
и под водой.
Даже
в небе голубом
у него
летает дом!

Будет дом
и на Луне,
на обратной
стороне!
Что угодно
сбудется
у того,
кто трудится!

Рис. А. Курушина

Доверие

В дождевой осенней мгле
и в седом тумане
верят тем, кто на земле,
те, кто в океане.

И от берега вдали
понимают корабли:
говорят прогнозы
про шторма, про грозы.

В полушарии ином
чуждадельный берег
нагружённому зерном
пароходу верит.

Если ты поверил мне —
пусть качает на волне! —
друг, я отвечаю,
что не подкачаю!

По вечерам...

По вечерам огни горят
повсюду перед нами,
и тьма, как будто наугад,
прострелена огнями.

По вечерам в моё окно
глядит неутомимо,
как из костяшек домино,
составленный домина.

Мне интересно, сколько в нём
зажжётся нынче окон,
и я стою перед окном
в молчании глубоком.

Кто составляет домино?
Ответа жду напрасно.
Нипочему зажглось окно...
Нипочему погасло...

Но почему, но почему,
как в ожиданье чуда,
на эти все «нипочему»
смотрю я почему-то?

Путешествие по стране «Апрель»

Каждый месяц года — как неизведанная страна. Страна «Январь», «Февраль», «Март». И вот мы уже въезжаем в страну «Апрель».

«Апрель» — страна первых цветов и последнего снега, страна вешнего солнца и вешней воды.

Ночью заморозит, днём распустит. То солнце, то дождь, а то вдруг и снег! Семь погод на день.

Из-под снега журчит вода, через болото не пройти, в лесу вода, на полях вода, дождь моросит — апрель-водолей!

В апреле весна всё переделывает на свой лад. Каждый день новости. Каждый день новые звуки, новые краски, новые запахи.

Над проталинками запели жаворонки. Сколько проталин, столько и жаворонков. Чёрные золотосые скворцы трепещут крылышками у скворешен и поют, поют без конца! В их песне слышится и свист куличка, и крик иволги, а то, бывает, и тихое кукареканье петуха или бляение ягнёнка.

Чёрные блестящие грачи шумно возятся у своих гнёзд и каркают басом.

Трясогужочка-ледоломка семенит ножками по бережку и покачивает длинным хвостом. Говорят, что она хвостом лёд на реке ломает.

Прилетели дикие утки, гуси, прилетели лесные кулики вальдшнепы и болотные кулики кроншнепы. Прилетели крикливые чибисы. И их криканье, гогот, хорканье, свист и писк слились в общий весенний хор.

У дятлов своей песни нет, дятлы громко стучат клювами по сушине — треск на весь лес! Это называется «дятлы играют на барабане».

Громкими голосами птицы гонят из лесов и полей зимнюю тишину.

Тёплые струйки ветра приносят новые запахи; запахи нагретой земли, первых клейких листочков, первых цветов.

Первые пчёлы вылетают на первые цветы. Первые бабочки — крапивницы и лимонницы — порхают на солнце. Жужжат на припёке мухи.

В апреле в лесу — как на земле неизведанной. Что ни шаг, то открытие. На обсохших бугорках вдруг увидишь... грибы! Это самые ранние наши грибы — строчки и сморчки.

Из надломленной берёзки капает сок. Сок можно собрать в кулёк из берёсты и выпить. На вкус он сладковат. Это хорошо знает большой пёстрый дятел. Весной он пробивает клювом в берёзовой коре дырочки и пьёт сок. Разные насекомые — тоже сладкоежки! — приползают и прилетают к дятлу в гости на сладкий сок.

Вышел из берлоги медведь. Вылезли из нор барсуки. Сейчас они голодные и худые. В глухом лесу, на грязи или на сугробе встречаются их когтистые следы.

Со всех сторон слышится бормотание косачей.

Грязны и трудны пути-дороги через страну «Апрель». Но зато какие незабываемые встречи бывают на них!

Сколько всего увидишь, услышишь, узнаешь! Сколько ко всему порадуешься!

ТРОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Заяцу кричит:

— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

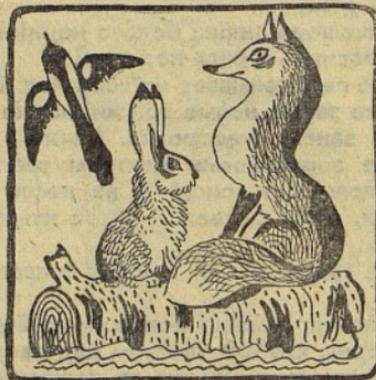
— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаше мышек-полёвок. Не поверишь, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!

— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..

Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

— Нет на бревне вкусных мышек. Придется тебе, Лиса, Заяц сесть!

Кинулась голодная Лисица на Заяца, но бревно окунулось краем — Лиса скорей на своё место. Закричала на Сороку сердито:

— Ох и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей на хвост!

А Сорока как ни в чем не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это видано, чтобы Лиса с Заяцем ужились? Толкай её в воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но качнулось бревно — Заяц назад скорей. И кричит на Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. Нарочно друг на друга науськивает!

Плывёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне думают.

— Может, взвять, на помощь позвать? — предлагает Лиса.

— Браконьеры помогут: услышат — да в мешок! — хихикает Сорока.

— Может, махнуть на всё лапой да в воду? — предлагает Заяц.

— Берег-то далё-о-око — издевается Сорока. — Намокнете и — буль-буль!

А бревно всё плывёт и плывёт. Думают и думают Лисица и Заяц. Думают, как с бревна друг друга спихнуть. Другого спихнуть, а самому уцелеть. И вдруг оба додумались!

— С бревна нам не уйти?

— Не уйти.

— Когда ссоримся и дерёмся...

— Бревно переворачивается.

— А когда тихо и мирно сидим?..

— Пльвём, как на лодочке!

— Значит?

— Значит, надо мирно сидеть!

Ждать, пока бревно к берегу не прибьёт. Ты, Заяц, согласен?

— Я-то давно согласен...

Поплыли Лиса и Заяц на бревне рядышком.

А Сорока-склочница ни с чем улетела.

Сорока и Енот

— Енот, а Енот, а ты ягоды есть любишь?

— Люблю!

— А птенцов и яйца любишь?

— Люблю!

— А лягушек и ящериц любишь?

— Люблю!

— А жуков и сороконожек любишь?

— Люблю!

— А... а червяков и улиток любишь?

— Тоже люблю!

— А чего же ты тогда не любишь?

— Не люблю, когда меня глупыми вопросами от еды отвлекают!

Лосёнок и Ворон

— Ой, Ворон, Ворон, посмотри-ка скорей в лужу: что там за пугало отражается? Ну и ну! Ноги — жерди, уши — лопухи, а нос-то, нос — словно тыква! Вот так зверь! Как такого уroda земля держит!

— А это, Лосёнок, тебя надо спросить. В луже-то, голубчик, ты отражаешься. Собственной персоной! От ушей до копыт!

Карась и Окунь

— Охо-хо, Окунь, горемычная я рыба! Вся-то моя жизнь в грязи да в тине.

— А ты, Карась, клюнь на крючок — попадешь в сметану...

Поющий ёж

Ёжик — закадычный друг детства. Все его знают, все его любят, все его находили. Знаменит он своими колючками и тем, что непременно убежит, как бы его ни бергли.

У каждого юнната был свой ёж. И уж о нём-то, кажется, всё известно. Любит молоко, ловит мышей и лягушек, смело вступает в бой с гадюкой. При тревоге сворачивается в колючий шар, если трогать — грозно пыхтит и поддаёт иголками. А если не трогать, то скоро высунет из колючек свой мокрый нос, пошмыгает им и выставит глаз. Нет никого — покатится колом.

Ну а если домой взять да приласкать, — он скоро и сворачиваться перестанет. И иголки его в одну сторону лягут — хоть гладь как котёнка. Станет совсем домашним: этакий топотун-хлопотун.

И вот оказывается, что у этого знакомого всем зверька тоже есть тайна.

Говорил мне один лесник, человек наблюдательный и правдивый, что ёж будто бы весною... поёт! Да не как тамнибудь, а по-настоящему, чем-то похоже на птицу.

Сам я поющего ежа не слышал. Но рассказы об этом слышал не раз. Непременно бы надо проверить. Может, из вас кто слышал ежине пение?

СЕРДИТЫЕ ГОЛОСА

* * *

«За какие такие особые заслуги каждую весну для скворцов сотни скворечников вывешивают? За что им такая особая честь: за красивые глаза, за звонкие песни или за пользу?»

Если за красивые глаза, то почему вы не делаете дуплянок для нас, сов-сипух, нейсытей и домовых сычей? Глаза у нас красивые — большие, блестящие, золотые.

Если за звонкие песни, то почему забываете про нас — горихвосток, синиц, трясогузок, мухоловок-пеструшек?

А если за одну только пользу, то и нам — стрижам, пищухам, ползнякам — нужно тоже дома строить.

Так-то вот, дорогие юннаты. А то заладили одним скворцам, будто только они одни звонкие песни поют да поля и лес берегут. Так, братцы, несправедливо!»

* * *

«Мы пролетели тысячи километров — и вот мы на родине.

Но вдруг вернулась зима, посыпал снег, задул ледяной ветер. Мы все, конечно, перелетели к человеческому жилью. И потому, что ждали от людей помощи, и потому, что у жилья прокормиться легче.

А вы, ребята, взяли бы да и помогли нам. Пусть все в непогоду насыпают на кормовые полочки муравьиные яйца, мучных червей, коноплю. Если не от вас, то от кого же нам ещё помощи ждать? А мы вам летом отпоём и отработаем. Мы — это скворцы, жаворонки, зарянки, трясогузки».

РАССКАЗЫ
ЗАВИРУШКИНА

ОГОРОДНЫЕ МОЧАЛКИ

(Рассказ-загадка)

— Дорогие друзья! Знали бы вы, какой замечательный огород возделываю я у себя дома. Не подумайте, что я выращиваю на нём репу, свёклу или капусту. Ничуть не бывало! Хотите верить, хотите нет, но выращиваю я на своём огороде... кувшины, скворечники и мочалки. Мне не надо покупать чашки, миски, кувшины, я могу их на грядках выращивать. Я очень люблю птиц, но к чему я буду тратить доски и труд, если скворечники и дуплянки у меня

на грядках растут? Не говоря уже о мочалках. Мочалки целыми дюжинами созревают.

Однажды я рассказал про свой огород знакомому художнику. Вот посмотрите, как он его изобразил. Ну, не совсем, конечно, всё точно так, но кое-что и похоже. Что? Никогда такого не видели? А

вот приходите ко мне, я вам всё покажу, сами увидите. Если хотите, могу семена дать. Я вас жду, приходите! А кто не сможет ко мне в гости прийти — пусть напишет, можно ли на грядках выращивать кувшины, скворечники и мочалки?

Рис. Ю. Шабанова

Плывёт по синему-синему морю белый-пребелый пароход. На берегу, среди пальм и кипарисов, белые дворцы с колоннами. Румяные, довольные мамы ведут по улице румяных, счастливых детей, а в голубом-преголубом небе летит самолёт с красными звёздочками на крыльях.

Так я представлял себе Крым много лет назд. Мне тогда, должно быть, очень хотелось побывать там, в яркой картинке из детской книги. Но в самом начале моего детства

началась война, и тогда пришлось ехать не на юг, а на восток, в товарных вагонах с «буржуйками», уезжать из Ленинграда в тыл, в тайгу, к тишине и хлебу.

Приехал я в Крым, когда мне исполнилось восемнадцать лет. Не самолёт и не поезд примчали меня к Чёрному морю — мы вместе с моим другом Старшим прикатили верхом на велосипедах, оборудованных маленькими моторчиками.

Друга своего я часто зову просто Старший. Невысокий и толстенький, он благодушно попыхивает пузатой трубочкой, и ароматный шлейф дыма лениво растекается над дорогой.

В Судаке мы не стали искать гостиницу — дни были жаркие, ночи красивые и тёплые, и мы решили построить шалаш из двух наших велосипедов и брезента прямо на пляже, на горячем песке.

Долго мы лежали на этом горячем мелком песочке возле изнеженного моря, лежали сколько хотелось — то пузом кверху, то пузом книзу. Меланхолично, по-тюленьи смотрели иногда то на развалины древней крепости, приподнятой высоко над морем чёрной скалой, то поглядывали на бурые клыкастые хребты прибрежных гор. Из-за них нехотя выплывали прозрачными медузами недождливые облака. Всякая всячина, купленная на рынке, зеленела, алела и подраживала пряными ароматами тут же рядышком возле нас. Но протянуть руку ко всей этой вкуснятине было лень. И купаться уже было лень, и разговаривать.

Ещё долго мы, наверное, валялись бы на пляже Судака, если бы вдруг не поднялся со всей решительностью Старший. Он не просто приподнялся, он привскочил, и его лицо стало разгневанным. Густо задымив тоже разгневанной трубкой, он толкнул ногой моё распластанное тело.

— Стыдись, путешественник. Так можно сойти с ума. Мозг оплывёт жиром, и каюк.

— Что вы предлагаете? — вяло спросил я.

— В путь! Да потруднее, чёрт побери. Мы же с тобой не курортники. И если есть в тебе ещё хоть капля мужества и любопытства, я покажу тебе такой Крым, что всю жизнь будешь помнить. Собирайся!

Сборы были недолгими. Мы оделись, завели моторы и, за несколько минут проскочив город, выехали на шоссе на дорогу. Нам предстояло проехать по Крымскому полуострову вдоль побережья, где выжженные солнцем горы, где почти нет пресной воды и где тогда не было ещё асфальтированной дороги. Сейчас от Судака до Алушты прекрасное шоссе, но в то время оно ещё только строилось.

Мы не спеша вползли на перевал. Серые колоннады скал дыбились внизу слева от нас, они подступали к спокойному тёмно-синему морю. Казалось, мы видим развалины древнего города великанов. А в той стороне, куда мы устремлялись, тоже были видны скалы, обглоданные ветрами, плешивые коричневые хребты, они плавали в солнечном мареве. И ни кипарисов, ни бухт с жёлтым пухом песка. Из рая да прямо в ад. Ну что ж, сожалеть поздно. Я посмотрел на Старшего, на его просолённую потом, выцветшую ковбойку, на жёсткую копну волос с легкой проседью, оглядел повнимательнее всю его маленькую, уж

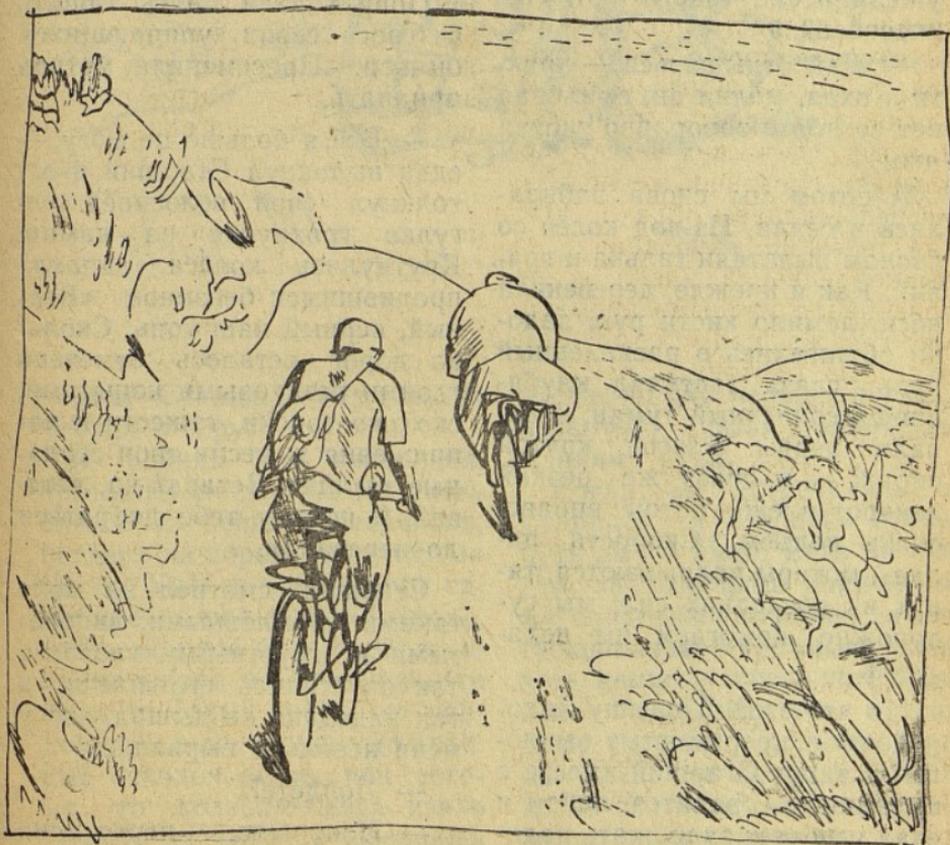
очень неспортивную фигуру и прикинул: «Одолеет ли?»

— Ерунда, это не Кавказ, — услышал я.

Сразу за перевалом кончился асфальт. Старая дорога зигзагами огибала склоны, осторожно ползла вниз, упругими извивами одолевала подъёмы. Покрыта она была острым щебнем, галькой. Путь местами преграждали завалы из скальных глыб. Мы перетаскивали наши велосипеды через эти завалы, потом натужно помогали педалями нашим чахлым моторам, вползали на одну гору, а впереди вырастала новая, ещё более высокая и крутая.

Моторы тянули едва-едва, работали с перебоями, и мы часто останавливались, выключали их, давали отдых и вели наших коней рядом с собой. Каждый велосипед весил около семидесяти килограммов, и часто мне казалось, что я держусь не за руль, а за бычьи рога и тащу волоком упирающееся животное.

Время приближалось к полудню. Над самыми нашими спинами плавилось солнце. Над раскалённой дорогой клубился рыжий воздух. Когда мы отрывали взгляд от колеи, щебня и гальки, перед глазами плыли белые круги, а за кругами покачивались, сталкива-

лись вершинами и таяли совершенно чёрные горы. Переждать жару было негде, некуда было даже спрятаться в тень: нам попадался только низкорослый корявый кустарник.

В сухом раскалённом воздухе Старший дышал тяжело, с хрипом. А когда начинался кашель, Старший обессиленно раскачивался над жаркой дорогой, словно получил удар в живот. Я стоял невдалеке, держал велосипеды. Страх, раздражение, жалость и любовь боролись во мне. «Безумный. Для чего ты здесь, что надо тебе в этих плешивых горах? Да отшвырни ты свою трубку! Неужели после такого вот ещё способен?..»

— Дай отдышаться, — крихтия и охая, молил он, смахивая пот со лба и торопливо глотая дым.

А потом мы снова забирались в седла. Из-под колёс со звоном вылетали галька и гравий. Как и прежде, деревенели ноги, ломило кисти рук, ладони обжигались о раскалённый руль, глаза застилал клубящийся солнечный туман, вскипали нервы. Разгон, крутой вираж — и сразу же резкий поворот влево, потом вправо, опять подъём. Скорость падает, моторы надрываются, тянут из последних сил, мы судорожно помогаем им педалями.

Но что это? Я слышу лихорадочные прерывистые выхлопы, и вдруг Старший вместе с велосипедом валится набок и едва успеваает задержать паде-

ние, встав ногой на камень. Я обгоняю его, и в это время слышу неплотные вздрагивающие выхлопы из своего мотора. Вот ещё метр, другой, и тишина, и я тоже валюсь набок, выставив ногу, чтобы опереться. Моторы перегрелись. Охладить их можно было только ветром. Но где его было взять, этот ветер? Со всех сторон только жёлтое огненное затишье. Мы уж попробовали помахивать над ребристыми цилиндрами носовыми платками. Но куда там, смех один. Правда, нам было не до смеха. Впереди гора, позади гора, над головами неистовое светило, и ни кустика вокруг.

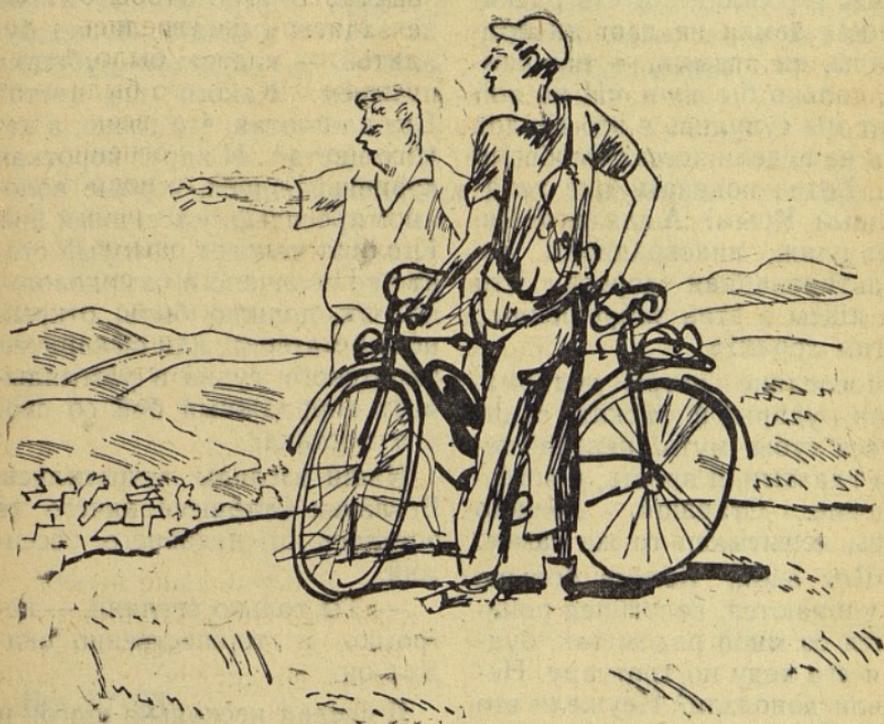
Попробовали опять тащить за рога своих упирающихся бычков. Просеменили метров тридцать.

— Всё, я больше не могу, — едва выдохнул Старший и оттолкнул свой велосипед. Он гулко грохнулся на камни. Кругнулись колёса, запахло пролившимся бензином. «Бедный, верный наш конь. Сколько дорог осталось отмечено твоими резиновыми копытами, сколько тряски, тяжести и напряжения вынесли твои стальные мышцы. Вставай-ка, вставай. Я помогу тебе добраться до перевала».

Старший смотрел на меня такими утомлёнными, виноватыми и грустными глазами, так опустились его плечи, и так надсадно он дышал, что у меня невольно вырвалось:

— Дойдёте?

— Попробую, — неуверенно

сказал Старший и медленно побрёл в гору.

Я поднял его велосипед, протащил метров на двадцать ближе к вершине перевала, оставил на дороге, вернулся за своим. Уже после второго такого рейса моя голова одурела, глаза мои всё более бессвязно выхватывали из окружающего мира то белые круги, то черное дрожание вершин, то красный осколок скалы под ногами, то колеблющийся извив дороги, по которой медленно,

медленно шёл человек и у него почему-то были непомерно длинные руки.

Когда мы встречались со Старшим, я старался заглянуть ему в лицо. Есть ли ещё там, за пыльными коричневыми складками морщин, за потускневшими зрачками глаз, хоть немного жизненной энергии? Удостовериться в этом было нелегко, Старший передвигался, как автомат. «Только не споткнись, не упави», — мысленно просил я его.

До вершины перевала оставалось метров пятьдесят. Нужно пройти сто шагов, ну ещё сто, и тогда можно будет лечь ничком на землю, закрыть глаза и ни о чём не думать. Пусть обжигает солнце, пусть раскалённая земля не даст ни прохлады, ни отдыха, — всё равно, только бы лечь. «И на кой чёрт мы сунулись в это пекло? Что не видели здесь? Особенно он. Хотел показать мне непарадный Крым? А для чего? Рядом пляж, виноградники, асфальтированная дорога. Что мы ищем в этих заброшенных богом горах?»

Последние метры подъёма. Звон, удары в висках, слипшиеся губы, муть, пелена перед глазами, и ярость, и остервенение. Старший, должно быть, испытывал то же самое.

«Вот оно!.. Колёса больше не упираются, велосипед покатился со мной рядом так, будто я его веду по тротуару. Неужели доползли? Неужели это всё? Теперь только не смотреть вперёд на следующий спуск в долину. Там ты снова увидишь камни и белую змею дороги, и чёрные вершины в жёлтом мареве.

Ну уж нет. Дальше, хоть умри, не пойду. Не расслабляйся. Смотри только под ноги. Иначе не подтащишь велосипед, который ещё внизу, вон у того камня. Как светится, просто горит его никелированный руль. А где же Старший? Куда он исчез?»

Ноги. Сначала я увидел полуботинки. Парусиновые, стоптанные, непонятного цвета,

они показались мне очень знакомыми. Я был так одурманен подъёмом, что не мог взять в толк — чьи же они? А над ними ещё и шаровары: широкие, сатиновые, с вспученными коленями, с огромной булавкой на заднем кармане. А над булавкой — клетчатая рубашка пузыряем. Какого она цвета? Вот клетчатая, это точно, а какого цвета?.. И вдруг короткая коричневая шея, чёрные волосы с проседью, массивный нос. Кто этот человек, который стоит так величаво и самодовольно? Он, должно быть, открыл новый материк, или он капитан пиратского судна и разглядывает абордажный бой со своего мостика?

Наши взгляды встретились. В глазах Старшего ничего не осталось от недавнего бессилия.

— Ты только взгляни, — громко и торжественно сказал он.

Я сделал несколько шагов и посмотрел за перевал. Там прогибалась долина с белыми, почти игрушечными домами. Возле них стояли напряжённо и молитвенно, как свечи, чёрные кипарисы и нежные тополя. А на склоне горы глубились зелёные заросли.

— Ты видишь? — заволновался Старший. — Ты встань вот сюда, вот на это место. Видишь теперь?! Впереди. А справа? А слева? А нашу дорогу за спиной ты видишь? Надо же! Ты, только оглянись хорошенько. Я же тебе говорил, обещал? Так вот, полюбуйся. Чем не фантастика,

а?! — Старший не мог стоять на одном месте, движения его рук, ног, туловища были похожи на восторженный танец.

«Нет, — подумал я, — не возьмёшь голыми руками этого человека, этого бродягу. Бродягу?! Что я...»

Путешественник — не бро-

дьяга. Он, скорее, летчик-испытатель, или даже Колумб, или, может быть, Икар. Ему хочется увидеть и небо и землю во всём их размахе, и пресной ему кажется жизнь, пока он не проверит свои моторы в рискованном пики, пока не почует крылья за спиной.

Ник. КУТОВ

* * *

*Бьёт Вьетнам врагов в лесах,
в болотах
и в боях заживает раны,
из обломков сбитых самолётов
кольца мастерит и чемоданы,
шьёт из парашютов он рубашки
и, борясь бесстрашно за свободу,
из воронок бомбовых на пашни,
на поля ночами носит воду.*

*Как в прудах, живут в воронках
рыбы,
учатся ночами в школе дети.
И прочней, чем каменные глыбы,
воля храбрых воинов к победе.*

ВИТЬКА КОРОЛЁВ принёс в класс что-то большое, плоское, тщательно завёрнутое в газету и крест-накрест обвязанное шпагатом.

— Только чур! Без рук! — строго предупредил он ребят, окруживших парту.

Под нетерпеливыми взглядами мальчишек Витька как-то томительно долго развязывал бечёвку, потом так же невероятно долго снимал газету, а под газетой ещё оказалась тряпка.

Наконец обнаружилось, что в таинственном пакете скрывается всего-навсего шахматная доска. Самая обычная деревянная доска — плоский ящичек, куда после игры укладываются фигурки. Доска к тому же не новая, потёртая, с трещинками и пятнами.

— А звону-то! — присвистнул Алик. — Будто у него там кость снежного человека. Или осколок с луны.

Витька даже не посмотрел на Алика.

— Внимание! — тихо, но внушительно произнёс он и, раскрыв доску, положил её на парту.

Всё это он проделал так аккуратно, так осторожно, будто доска начинена пироксилином и, если хоть чуточку стукнуть её о парту, тотчас взорвётся.

— Вот! — Витька гордо оглядел мальчишек.

Никто не понял. Что — вот?

Тогда Витька молча указал на белые поля в центре доски.

И тут только ребята увидели: посреди доски, по диагонали, на четырёх клетках, было синими чернилами написано:

«Вите Королёву.

Учись хорошо.

Михаил Ботвинник».

— Ой! — пискнул Алик. — Тот самый? Чемпион мира?

Витька даже не счёл нужным отвечать.

— Ну, между прочим, чемпион теперь не Ботвинник, а Тигран Петросян, — не отводя глаз от доски, тихонько сказал Изя.

Автограф чемпиона

• Р А С С К А З •

БЫЛЪ •

Рисунки Ю. Шабанова

Но тут уж все загалдели.

— Ботвинник, если б он помо-
ложе, твоего Петросяна — на обе
бы лопатки! — крикнул Костик.

— Ботвинник и Алёхина бил, и
Ласкера, и Капабланку — подряд
всех чемпионов! Вот! — припеча-
тал Шурик.

Да что там говорить! Ребята
прямо пожирали глазами чудо-
доску.

Вот это вещь! Такую хоть в му-
зей!

Правда, настырный Изя ещё
пробормотал что-то, — мол, чемпи-
он мог бы и поостроумнее что-ни-
будь написать. Подумаешь — от-
крытие — «учись хорошо»! Но тут
все закричали, что Изька просто
завидует. Факт, завидует! И ему
пришлось замолчать.

На первом же уроке — была ли-
тература — чудо-доску показали
учительнице.

— Да, — сказала Мария Трофи-
мовна. — Очень целенаправленный
автограф. Теперь тебе, Королёв,
придётся накрепко запомнить, что
«мышь» — с мягким знаком.

Ребята засмеялись. Это в про-
шлой диктовке Витька написал
«мышь». И ещё оправдывался, что
мышь, мол, бывает и самцом, и
самкой, а если самец, то мужского
рода и, значит, мягкий знак не
нужно.

На втором уроке показали доску
физичке. Удивительно, как однооб-
разно воспринимали учителя над-
пись чемпиона!

— С таким автографом стыдно
путать формулу равномерного пря-
молинейного движения! — сказала
физичка.

А на третьем уроке математик,
внимательно оглядев доску, ска-
зал:

— А между прочим, Ботвин-
ник — доктор наук. И уж уравне-
ния с одним неизвестным как се-
мечки щёлкает... Да...

Очередной штыковой выпад пря-
мо в Витьку Королёва.

Оказалось, владеть автографом
чемпиона вовсе не так просто. Но

Витька не унывал. Ладно, ладно!
Ехидничайте. Острие.

Но больше всего ему досталось
дома.

Эдик — старший брат, студент
четвёртого курса — давно уже по-
чему-то решил, что ни отец, ни
мать не умеют воспитывать Вить-
ку. И он вырастет или балбесом,
или бандитом. И поэтому Эдик
сам, добровольно взвалил на себя
обязанности воспитателя.

Ох, уж лучше бы не взваливал!
Эдик, очевидно, ждал младшего
брата. Сидел в кресле, курил. Он
сказал:

— Так. Я обещал тебе — как за-
ядлому шахматисту — автограф
Ботвинника. Ну? Сдержал я своё
слово?

— Ага, — кисло кивнул Витька.
Он уже знал, что такое вступле-
ние ничего приятного не сулит.

— Так. А ты, кажется, тоже
что-то обещал?

— Ага, — опять кисло кивнул
Витька.

— Что именно?

И без того он знал — «что имен-
но»! Но обязательно хочет, чтоб
Витька повторил. Ну, раз хочет...

Витька пробормотал:

— Не получать двоек...

— Итак, высокие договариваю-
щиеся стороны взяли взаимные
обязательства, — подытожил
Эдик: — Учти: после первой же
двойки автограф заберу. Понял?

Витька кивнул.

ПРОШЛО два года. Витька и
раньше неплохо играл в шах-
маты, а теперь был уже признан-
ным чемпионом школы. Да просто
даже и неловко, имея такую дос-
ку, не быть чемпионом.

Учился он теперь тоже сносно.
Во всяком случае, без двоек. И да-
же троек не очень много.

И вот однажды по школе про-
нёсся слух: завтра в Доме пионе-
ров будет сеанс одновременной иг-
ры. И даёт сеанс не кто-нибудь —
сам Ботвинник!

Витька Королёв, конечно, при-

шёл на сеанс первым. И принёс свою доску.

Он ещё дома долго обдумывал, как положить доску: написанным к Ботвиннику или наоборот? Решил: наоборот. Чтобы Ботвиннику было не прочесть.

«Во время игры нехорошо его отвлекать, — сообразил Витька. — А когда кончится сеанс, я переверну доску. Он прочтёт. И я поблагодарю его за автограф».

А то, действительно, получилось глуповато: автограф есть, а самого Ботвинника Витька ни разу в глаза не видел. И «спасибо» сказать тоже не вредно.

А может, Ботвинник ещё и руку ему, Витьке, пожмёт?! В кино всегда так — награждают чем-нибудь и руку потискают.

Это бы здорово, если б сам Ботвинник на глазах у всех ребят руку — персонально Витьке!..

Сеанс длился долго. Почти три часа. Ещё бы! Тридцать две доски. И на всех — самые лучшие шахматисты района. Были среди них даже перворазрядники. А игроков второго разряда — таких, как Витька, — чуть не половина.

Витька начал игру, как в тумане. От волнения стал даже икать. Он всегда, когда волновался, — икал. К счастью, дебют был хорошо знакомый: испанская партия. И Витька до одиннадцатого хода совсем не раздумывал: двигал фигуры, как во всех руководствах рекомендовано, и всё.

Так прошло более получаса. Витька постепенно успокоился. И голова прояснилась. И икота прошла.

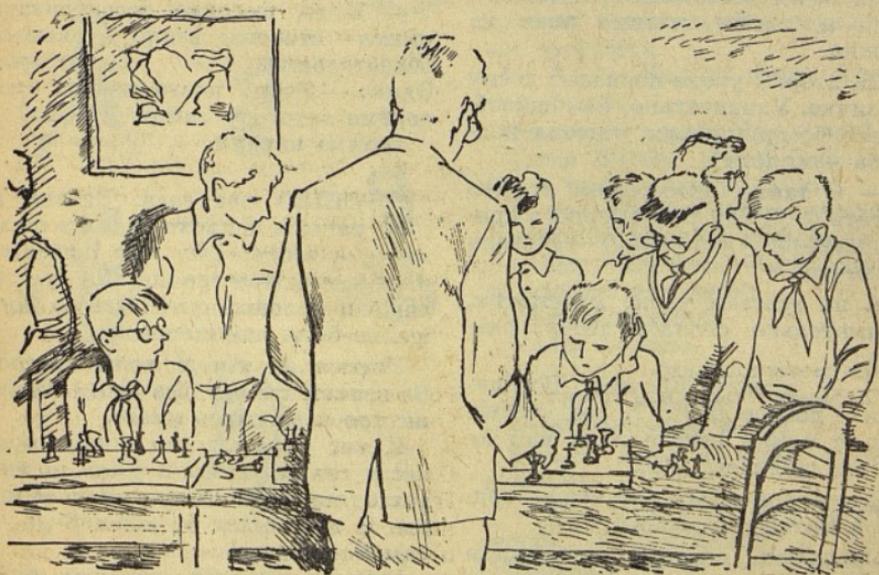
Возле Витьки, за его спиной, пристроились Изя и Алик. Они всё время дёргались, лезли с подсказками, но Витька сурово шипел на них.

Собьют только. Что с них проку, если Изе он даёт коня вперёд?!

Постепенно в сплошных шеренгах досок образовались пробелы. Этих пробелов становилось все больше, а самих досок всё меньше...

Вдруг раздалась хлипкие аплодисменты. Витька удивлённо оторвался от доски. А, это один мальчишка, вон там, в углу, выиграл у Ботвинника!

Да, повезло парню!

Остальные ребята сдавались один за другим. Вскоре остались всего две доски. Витькина и ещё одного белобрысого мальчишки из соседней школы. Витька знал его, только фамилию забыл.

Ботвинник всё время ходил вдоль шеренги досок, а теперь, когда остались лишь две партии, он попросил белобрысого передвинуться — поближе к Витьке, а сам взял стул и сел напротив них.

«Конечно. Устал! — мелькнуло у Витьки. — За три часа сколько километров отмахал!»

Он оторвался от доски и первый раз за весь сеанс робко, но внимательно оглядел Ботвинника. Экс-чемпион был уже не молод, за пятьдесят, а Витьке он показался и совсем старым. (Витька всех, кому больше тридцати, считал стариками.) У Ботвинника был высокий крутой лоб и спокойные, строгие глаза за толстыми стёклами очков.

Но долго разглядывать чемпиона у Витьки не было времени, и он снова погрузился в позицию. Ладный эндшпиль. По две ладьи и по четыре пешки.

«Пожалуй, ничья!» — подумал Витька.

И Ботвинник, словно подслушав, сказал:

— Ничья.

Он как бы и спрашивал, и утверждал сразу.

И Витька, стараясь скрыть радость, негромко подтвердил:

— Да, ничья.

Ботвинник кивнул, лёгким движением ладони смешал фигуры и передвинул стул к белобрысому — последнему своему противнику.

Витька встал, облегчённо вздохнул.

Пока Ботвинник доигрывал партию с белобрысым. Витька всё думал: как половчее показать ему доску?

Но Ботвинник как-то очень быстро кончил партию и встал.

«Сейчас уйдёт!» — мелькнуло у Витьки.

Медлить было нельзя.

— Михаил Моисеевич, — сам не узнавая свой вдруг осипший голос, сказал Витька. — Я хочу вам показать... Вот... Автограф...

Он торопливо повернул доску к Ботвиннику.

— «Вите Королёву. Учись хорошо: Михаил Ботвинник», — вслух прочитал экс-чемпион.

В глазах его за толстыми стёклами очков вдруг промелькнули и удивление, и растерянность, и возмущение, и улыбка — всё сразу.

Он снял очки, протёр их платком, снова надел.

— Вообще-то... — негромко сказал он. — Обычно я предпочитаю писать на бумаге, а не на дереве...

Он внимательно глянул на вмиг побледневшее Витькино лицо. Увидел напряжённые лица Изи и Алика.

На секунду задумался.

— А впрочем... — сказал он. — Я только забыл — когда это я тебе написал? Тут нет даты...

— Это — не мне. Это — брату... Для меня...

Витька торопливо объяснил, как и когда был получен автограф.

— В шахматы ты играешь неплохо, — медленно сказал Ботвинник. — А как мой наказ? Выполнял?

Он пальцем ткнул в слова — «учись хорошо».

Витька кивнул.

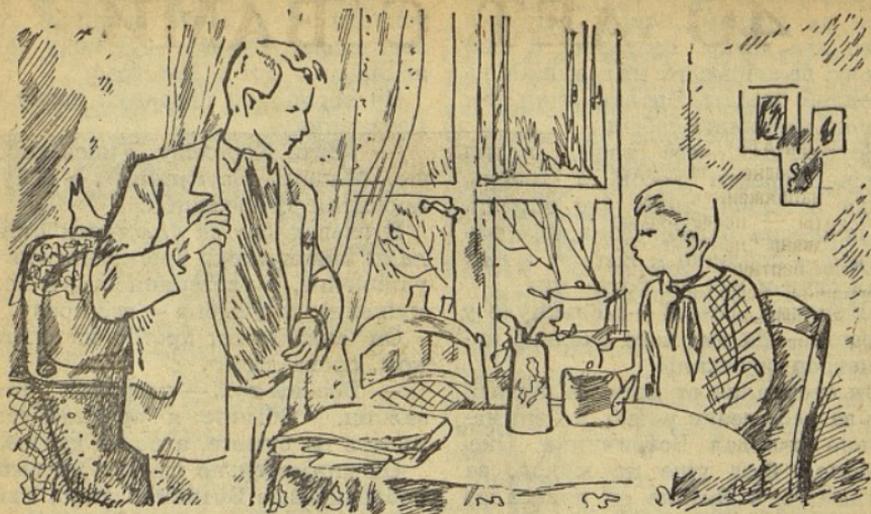
— Ну, тогда... — сказал Ботвинник.

Вынул из кармана шариковую ручку, щёлкнул кнопочкой и под прежним автографом красным на белых клетках написал:

«Молодец, Витя. Желаю успеха! Михаил Ботвинник».

Он снова щёлкнул кнопочкой, убрал перо и ушёл.

А Витька, Изя и Алик ещё долго рассматривали два автографа. Они шли по белым клеткам, по диагоналям, один под другим. Один — синий, другой — красный. Правда, почерк нового автографа немного отличался от старого. Да и сама подпись тоже не очень похожа. Но ведь столько лет прошло.

Может же за столько лет измениться почерк!

НА следующий день Витька сидел на химии, но учительницу почти не слушал.

Снова видел он Ботвинника.

Вот чемпион тронул рукой очки:

«Вообще-то... Я предпочитаю... на бумаге, а не на доске...»

И глаза его. А в глазах — и удивление, и улыбка, и возмущение. Да-да! Именно — возмущение.

Чем же? Чем он недоволен? Неужели?..

Голос химички совсем пропал, растаял где-то...

Витька видел только глаза. За толстыми стёклами очков. Умные, холодные, жёсткие глаза Ботвинника.

«Вообще-то... Я предпочитаю на бумаге...»

И возмущение... Там, в самой глубине глаз...

Витька еле досидел до перемены. Бросился к Изе.

Тот слушал спокойно и словно бы даже не удивился.

— Факт, — сказал Изя. — Я ещё тогда, на сеансе... Факт. Эдькины штучки.

— А Ботвинник? Зачем же он... Признал?

Изя усмехнулся:

— Ну, просто... Ну, пожалел тебя...

Вечером, когда Эдик вернулся из института, Витька сидел за столом и молчал. Только глаза его, мрачные и злые, неотрывно следили за братом.

— Ты чего? — спросил Эдик.

— Чего? — тихо переспросил Витька. И вдруг взорвался: — Ты... Автограф... Милый подарочек... Ты... Ты...

У него не хватало слов. И главное: в горле так сдавило, он боялся — сейчас заплачет. Только этого не хватало!

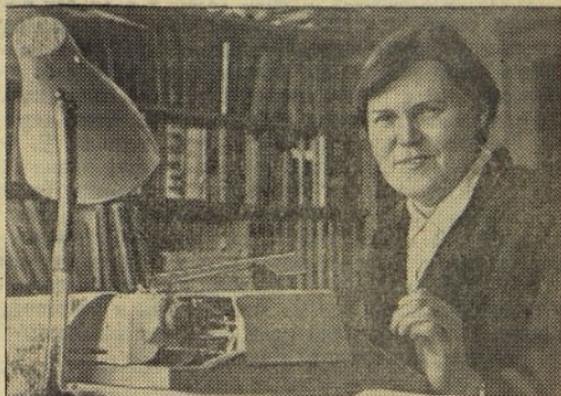
— Чудак, — усмехнулся Эдик — Ну, подумаешь! Я же хотел, как лучше. И вышло совсем недурственно. И в школе ты — без двоек. И в шахматы... Цель оправдывает средства!

— Что? — заорал Витька. — Цель оправдывает? Ни черта! Всё равно это... Это — свинство!.. Свинство! Подлое свинство!

Он чувствовал — сейчас заплачет, и, опрокинув стул, стремглав выскочил из комнаты.

40 ЛЕТ С ВАМИ

В КОМНАТЕ было многолюдно, но тихо. Шла напряжённая игра в шахматы — целое пионерское звено пыталось выиграть партию у хрупкой женщины небольшого роста с добрым, приветливым лицом. Было заметно, что к таким визитам хозяйка дома привыкла. И хотя она переехала в этот дом совсем недавно и не успела ещё познакомиться со своими соседями, с ребятами уже подружилась. Даже с теми, кто живёт в другой парадной и даже на другой улице. Быстро узнали ребята об Аделаиде Александровне Котовщицкой.

Её имя знакомо и многим из вас: ведь на полках детских библиотек почти никогда не залеживаются её книги, а их более двадцати.

Ни одна интересная книжка не бывает без настоящих героев, на которых хочется быть чуточку похожими. Поэтому не случайно, например, книга «В большой семье» была издана в нескольких странах. Прошло десять лет со дня выхода повести, а судьба её героини десятилетней ленинградки Оли Хрусталёвой волнует читателей до сих пор.

Чуткий человек, внимательный и вдумчивый педагог, Котовщицкая рассказывает в своих книгах о судьбах подростков в семье, в школе, в детдоме. Интересна судьба и рано потерявшей родителей Гали Макушевой, героини книги «Кто моя мама?». Почти ничего не выдуманно, Аделаида Александровна близко знала многих ребят 25-го интерната на Песочной набережной и не могла не рассказать об их нелёгкой жизни. Пробразом героини послужила Лена Емельянова. Теперь она уже взрослая и работает врачом.

В героях других книг вы узнаете себя, своих младших сестёр и братишек, своих соседей, друзей. И невольно о многом задумываетесь.

— Кто это вам рассказал обо мне? — нередко спрашивают ребята Аделаиду Александровну и ещё долго удивляются: когда и где писательница смогла за ними подсмотреть? А секрет простой: герои книг Аделаиды Александровны — не плод её фантазии, а всегда взяты из жизни.

Вот уже сорок лет связана Аделаида Александровна с детьми. Она преподавала ребятам черчение и рисование, работала в школьных библиотеках и родительских комитетах, принимала участие в розыске детей, потерявших родителей во время Великой Отечественной войны. Всюду и до всего ей дело: как прошла политинформация? Где приобретён снйяк? Шутит, спорит, играет с ребятами, наблюдает. Зоркий, добрый взгляд подмечает, как первокласснице Кате Болотиной любовь к брату помогла преодолеть страх, а увлечённость математикой пригодилась Матвейке Горбенко в самой непредвиденной ситуации.

Вся история в повести «Малютка с лесного озера» о выдре Маське, о юннатском профессоре, об одноклассниках Жене и Лиде проходила на глазах писательницы в одной ленинградской семье, с той лишь разницей, что изменены имена, а в действительности Женя и Лида — брат и сестра. Вот и всё.

Если бы Аделаида Александровна не подружилась с гатчинскими ребятами, не появилась бы и книга «Белая стая».

Как-то в одной школе её спросили, почему она никогда не пишет о шпионах? Аделаида Александровна ответила:

— Пока я не знакома ни с одним шпионом. Чего не знаю, о том и не пишу.

А известно ли вам, ребята, что в детстве Аделаида Александровна мечтала стать художницей? Листы бумаги она испещряла рисунками самого фантастического содержания. А чтобы окружающие не сомневались, что нарисованное — это жар-птицы, крокодилы, тюльпаны с человеческими лицами, а не что другое, под рисунками делались подписи. В старших классах она была уже постоянным художником и корреспондентом школьных стенных газет. А с 14 лет Аделаида Александровна начинает помогать семье, зарабатывая рисованием плакатов и разных таблиц. В 1927 году она поступает в Ленинградскую Академию художеств на графический факультет. Но со второго курса уходит. Всё больше тянет её к себе литература. Она пробует писать рассказы, иногда показывает их близким и через несколько дней уничтожает, давая себе слово никогда больше не писать. Но... Через неделю всё начинается снова.

Работая в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, она поступает в вечерний Литературный университет имени Горького. Занимается в творческом семинаре Николая Корнеевича Чуковского. Так стала она писательницей.

Только что вышел сборник её рассказов «Нитка кораллов», куда включена новая повесть о жизни ребят одного двора «Кутерьма». А на её рабочем столе лежат уже новые короткие рассказы и ещё безымянная повесть.

29 апреля Аделаиде Александровне исполняется 60 лет. Но «дело не в счёте лет, а в качестве прожитых дней». Когда я попросила Аделаиду Александровну рассказать, о ком будут следующие книги, она ответила:

— Что рассказывать? Надо писать.

В. ТКАЧЕВА

А. КОТОВЩИКОВА

МЕНЯ НЕТ ДОМА

Уходя из дому, мама поручила мне накормить Петьку ужином.

— Позаботься о младшем брате, — сказала она. — В духовке стоит каша. Ты её достань, прихвати тряпкой, чтобы не обжечься. Впрочем, она уже не будет очень горячая. Масла положи, можно варенья немного. Ничего не опрокинь! Масло в холодильнике, банка с вареньем на кухонной полке, хлеб в шкафу. Бутылку с молоком я заранее достала из холодильника, чтобы не очень холодное было. В семь часов ты Петеньку накормишь, понял? Ну, я пошла. Будьте умниками!

Мама ушла. Я читал «Тайственный остров» Жюль Верна, а Петька возился на полу с игрушечным паровозом.

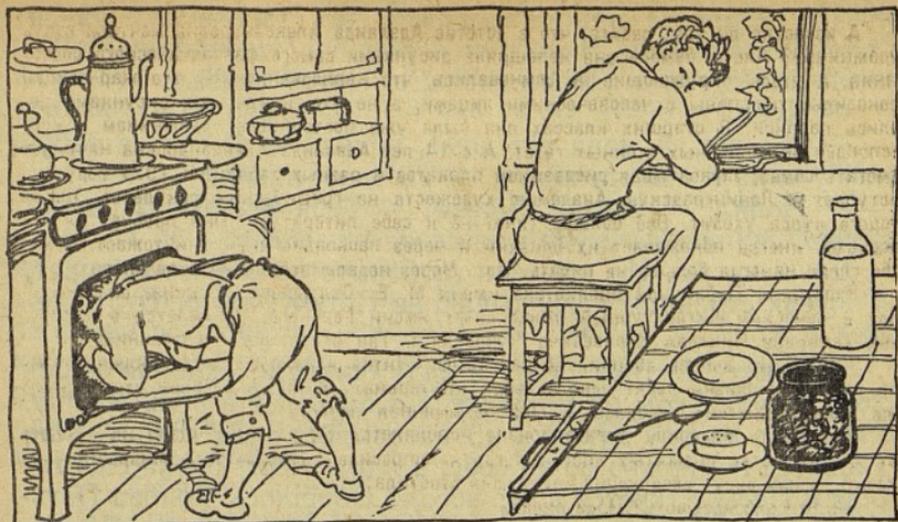
Прошло сколько-то времени. Вдруг паровозные пыхтенье прекратилось, и возле меня раздался хитренький голос:

— А по радио сказали: восемнадцать часов пятьдесят пять минут.

— Ну и что? — говорю.

— А то, что скоро будет девятнадцать часов. А девятнадцать часов — это семь часов вечера.

— Ну и на здоровье! — отвечаю, перелистнув страницу и впиваясь глазами в следующую.

— А что мама велела тебе сделать в семь часо-ов? — тянет Петька.

— Что велела, то и велела. Не твоё дело! — отвечаю машинально и продолжаю читать.

— Я есть хочу-у-у!

Фу ты! Ведь я до самого интересного места дошёл! Но ничего не поделаешь. Вскочил я и с книжкой в руках понёсся в кухню. Петька за мной.

Живо сунулся я в холодильник, маслёнку на стол швырнул, бутылка с молоком уже на столе. Что ещё? Ах, да, варенье. На самой верхней полке банка. Влез на стул, достал. Что за варенье? Подцепил ложечкой. Ого, вишнёвое, моё любимое. Съел две-три ложечки. Всё подано? А каша-то? Возись тут, когда на острове, полном тайн, вот-вот самое важное случится. Я-то, конечно, взрослый человек, уже в пятом классе учусь. Но и Петька не грудной, через год в школу пойдёт. Как он мне заявил: «Девятнадцать часов»... И тут меня осенило.

— Вот что, Пётр Васильевич, — сказал я брату. — Изволь приучаться к самостоятельности. Сейчас сам себя обслужишь. Ты знаешь, где духовка?

— Конечно, — кивнул Петька и показал пальцем: — Вот она!

— Отлично! Так вот ты откроешь духовку. Возьмёшь тряпку на всякий случай...

— На какой случай? — полюбопытствовал Петька.

— Не перебивай старших! Тряпкой прихватишь кастрюльку и вытащишь её. Потом возьмёшь в шкафу тарелку и ложку, положишь себе каши. Маслом помаслишь, варенья

ложечку сверху. И ешь на здоровье. Да! Молока себе налей из бутылки в стакан. Ничего не опрокинь! Ясно задание?

Петька стоял и хлопал глазами. Потом сказал:

— Ясно.

— Ну, вот. А меня нет дома, понял? — Я сел на табуретку у окна и открыл книгу. — Ты меня понял?

— Понял, — сказал Петька. — Тебя нет дома. Ты парашке сидишь на стуле и книжку читаешь.

Да, я читаю. Но всё-таки любопытство меня разбирает, и я поверх страницы поглядываю на Петьку: что он будет делать?

С минуту Петька стоит в задумчивости, склонив набок голову с кудерьком на макушке. Потом берёт в руки тряпку, откидывает дверцу духовки и... засовывает туда голову. Мне становится немножко не по себе: а вдруг кастрюлька ещё горячая и Петька ткнётся в неё носом? Обошлось. Голова Петьки уже снаружи, зато он всовывает в духовку руки. И волочит кастрюлю. Не уронит? Нет, выволок. И поставил на пол. На полу будешь накладывать кашу, дурило? Но я молчу. Молодец, Петька! То была просто остановка, так сказать, перевалочный пункт. За обе ручки, придерживая их тряпкой, он поднимает с полу кастрюлю и с усилием водружает её на край стола. Лицо у него очень серьёзное. Почему-то мне становится немножко жаль Петьку. Теперь он топчет к шкафу, достаёт тарелку и ложку. Дверцы, конечно, бросает открытыми. Снимает с кастрюли крышку и накладывает на тарелку каши. Молодец, много положил. Аппетит у Петьки всегда хороший. Масло? Ой, рано похвалил. По маслу Петька только слегка мажет ложкой. А бутылку с молоком отодвигает в сторону. Жаль, что меня нет дома, а то бы я ему дал! Сказано: кашу молоком запивать, обязан исполнить!

Интересно, он правда забыл, что я здесь сижу? Ведь ни разу в мою сторону не посмотрел? А почему это у Петьки так загорелись глаза? А, на банку с вареньем глядит. Подтащил банку к тарелке. Ну, знает! Подряд три ложки одну за другой плюхает себе в кашу. А вот и четвёртая, пятая...

Я не выдерживаю и говорю:

— Петька, имей совесть!

Он вздрагивает, но головы не поворачивает и вдруг как пискнет:

— А тебя дома нет! Нет же тебя дома!

Ах ты, хитрюга несчастная. Но правила игры и в самом деле нельзя нарушать. Сижу молча.

А Петька уписывает за обе щеки... Хотел сказать: кашу с вареньем, но вернее будет: варенье с кашей. Съел всё до крошки, ещё ложку варенья, уже без каши, себе в рот отправил. Слез со стула и к шкафу. А, стакан достаёт. Хоть теперь

то молока напьётся. Как бы не так! Пошёл к крану, налил полный стакан холодной воды, всю грудь себе облил. Стоит мокрый и с прихлёбом пьёт воду. Потом стакан на самый крайчик стола поставил — и как он не упал? И убежал из кухни.

Тишина в квартире. Читать раздолье, никто не мешает. Да вот не читается... Что он там делает, Петька? Ни пыхтеня паровоза не слышать, ни гудков автомобильных, ни топанья, ни прыганья. Даже странно.

Вошёл я в комнату и... Чуял я неладное, но такого нахальства всё-таки не ожидал! Сидит Петька на полу, а в руках у него мой планер, который я только вчера кончил мастерить. Держит его Петька в руках и гладит, каждую детальку пальцем трогает. Вот-вот сломает... Поднял голову, меня увидел и сразу завопил:

— Тебя нет дома!!!

Ну, уж тут я не посмотрел, дома я или нет. Подскочил к Петьке, планер осторожно из рук его вынул, а потом, безо всякой осторожности, дал братцу хорошего шлепка.

Мама вернулась, а у нас рёв стоит. Вот и занимайся полезным делом: приучай брата к самостоятельности!

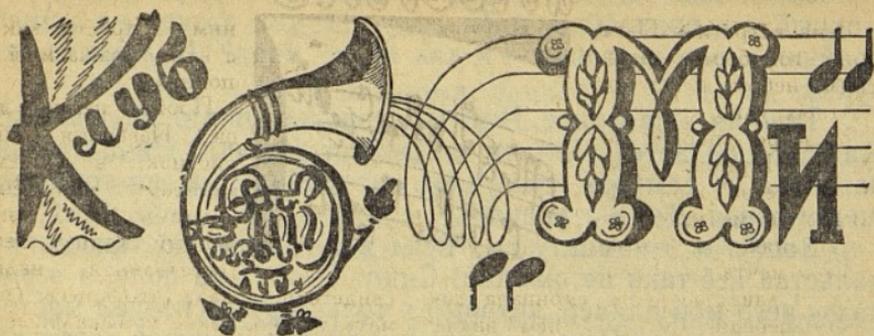
Роальд **ДОБРОВЕНСКИЙ**

Н О Ч Ь

Скажи, а знаешь ты,
Как выглядят цветы,
Деревья и кусты,
Травинки и листья,
Когда приходит ночь?
Не знаешь?
Ну, тогда
Могу тебе помочь.
Я рассказать могу
Про чёрную тайгу,
Про ту, где все кусты

Черны от темноты,
Про ту, где все листья
Черны от темноты
И синие цветы,
И жёлтые цветы,
И красные цветы
Черны от темноты.
...Ежи во сне сопят.
От них не遠деке,
Птенцы на ветке спят,
Как дети в гамаке.

Уснула и лиса.
Ей не нужна постель:
Как сладко —
прикорнуть
На собственном хвосте!
Уснуло всё-превсё:
Деревья и трава.
Спят рыбы, рыбаки...
Не спит одна сова.
И даже старый лось,
Старейшина лесов,
Не знает,
отчего
Бессонница у сов.

ЧЕТВЕРТОЕ

— Так на чём мы прошлый раз остановились? — пророкотал Орган.

— На секрете Паганини, — услужливо подсказала бойкая Флейта.

— Какие ещё могут быть у музыкантов секреты! — ухнул Барабан. — Всё должно быть просто, как удар колоутшкой.

— Конечно, — ехидно заметила Флейта, — если бы мы все звучали с помощью колотушки, никаких сложностей не было бы.

— Друзья мои, друзья мои, — загудел Орган. — Не забывайте: у нас клуб Музыкальных Инструментов, а

не клуб спорщиков. Давайте говорить о музыке. Итак, настало время рассказать о тех, кто с нашей помощью несёт людям прекрасные мелодии. Скрипачи, виолончелисты, флейтисты, арфисты — это в их волшеб-

ных руках мы оживаем.

— О да!.. Хвала великим музыкантам!.. Слава артистам!.. — закричали инструменты.

— И мой рассказ об одном из них, — торжественно провозгласила итальянская Скрипка. — О великом итальянце, чародее скрипки Никколо Паганини.

Вена встретила Паганини голубым мартовским небом и шумом людных улиц.

Маэстро впервые покинул Италию. Ему было уже за сорок. Всю жизнь он мечтал о путешествиях, и только сейчас мечта его сбылась. Слава великого скрипача далеко опередила его. О нём знала вся Европа. И вот он на берегах Дуная. О, Вена! Столица музыки! Чем тебя удивить! Тебя, видевшую и приютившую на долгие годы Гайдна, Моцарта, Бетховена. Венские любители музыки избалованы, венские критики независимы в своих суждениях, венские газеты могут вознести на вершину славы и погубить равнодушием.

Впрочем, Паганини это не очень волновало. Он был прежде всего музыкантом. Музыка — превыше всего. И шумиха вокруг его имени мало заботила знаменитого маэстро.

А шумихи было предостаточно. Расхаживая по улицам Вены, Паганини с любопытством рассматривал в витринах свои портреты, похожие и непохожие. Какой-то предприимчивый хозяин продуктового магазина умудрился сделать даже скульптурный портрет скрипача... из масла. Обложенный тающим льдом бледно-жёлтый человек мрачно взирал сливочными глазами на толпящихся у витрин зевак. Паганини затесался в толпу и стал горячо обсуждать с одним из зрителей вопрос о сходстве масляного скрипача с настоящим. Зевака с большим чувством доказывал «незнакомому господину», что если бы в витрину рядом со скульптурой сунуть самого Паганини, то лишь по цвету можно будет определить, который из выставленных на обозрение настоящий, — так велико сходство скульптуры с оригиналом. При этом зевака ссылался на то, что, будучи в Италии, не раз встречался с великим маэстро и беседовал с

ним «запросто, как вот с вами, уважаемый господин».

Пройдя немного дальше, Паганини увидел рисунок: в тюремной камере, окружённый крысами, играл измождённый скрипач. Весьма трогательная надпись

свидетельствовала, что крысы (подумать только, какие музыкальные животные!) прекрасно относились к «несчастному, страдальцу Паганини» (как будто можно быть «счастливым страдальцем»). «И здесь дурацкая выдумка порочит меня, — подумал Паганини. — Бездельникам и зевакам в голову не приходит, что можно заниматься целыми днями и не будучи в тюрьме».

Вернувшись в гостиницу, Паганини немного отдохнул и раскрыл футляр. Много скрипок было у великого скрипача, но всем им он предпочитал прекрасный инструмент работы кременца Джузеппе Гварнери, соотечественника Страдивари. Эту скрипку подарил ему один любитель музыки после того, как Паганини играл на ней в одном из концертов. Случилось, что маэстро оказался в городе Ливорно без своих инструментов, и, страстно желая услышать игру Паганини, любители музыки упростили одного богатого меломана* дать ему на один вечер свою скрипку.

— Оставьте этот инструмент себе, — сказал после концерта владелец скрипки. — Я не посмею прикоснуться к скрипке, на которой играл такой мастер.

Паганини сел на краешек стула и очень тихо стал играть одну из своих пьес. Пальцы падали на струны, как дождик, легко и свободно. Одна из нот оказалась музыканту фальшивой. Он нахмурился и несколько раз медленно и чётко сыграл неудавшееся место. Когда все ноты снова

* Меломан — так называют любителей музыки. Подойди вечером к филармонии и ты увидишь множество меломанов.

стали звучать безукоризненно, Паганини со вздохом отложил скрипку. «Божественный скрипач! Дьявольский скрипач! — с насмешкой бормотал он, расхаживая по комнате. — Знали бы газетные крикуны, чего мне это стоило. Уже сейчас многие мои жизнеописатели хотят знать, куда я исчез, чем занимался с девятнадцати до двадцати четырёх лет. Скрипкой, господа, скрипкой! Четыре года каторжного труда понадобилось мне, чтобы открыть то, что вы нынче туманно именуете «секретом Паганини». Четыре года по многу часов в день. А вы хотите всё узнать и понять в одну минуту».

Шорох за дверью прервал его размышления. Паганини быстро подошёл к двери и резко открыл её. Человек, прильнувший к замочной скважине, не успел разогнуться.

— К вашим услугам, — хмуро сказал Паганини. — Или вы предпочитаете, чтобы я тоже засвидетельствовал вам своё почтение через замочную скважину? Впрочем, если вам будет угодно, я согласен расценивать ваш поклон, как дань незаслуженно-го уважения ко мне.

И он с иронической усмешкой отвесил нижайший поклон любопытно-му господину.

— Ах, маэстро! Простите, простите, простите, — скороговоркой выпалил человек. — Я ожидал услышать музыку, я страстно люблю музыку, но в вашей комнате было тихо, и я решил...

— Что достаточно заглянуть, как

зазвучит музыка, — перебил его Паганини. — У вас, сударь, плохо со слухом... или с деньгами?

— Не понимаю, маэстро.

— Если вы хотите посмотреть на то, что нужно слушать, у вас, вероятно, туго со слухом. А если вы не можете купить билет на мой концерт, то это говорит, что у вас плохо с деньгами. Несмотря на то что о моей скупости ходят легенды, я могу вам дать даровой билет или занять вам...

— Ах, нет-нет! Боже упаси! Я не за тем пришёл сюда, маэстро.

Тут бойкий господин стал сбивчиво и сумбурно объяснять, что вот уже много месяцев подряд он следует за Паганини, надеясь услышать его не только на эстраде, но и во время занятий. Но маэстро, видимо, смазывает мылом свой смычок, чтобы он скользил беззвучно по струнам. А как иначе объяснить, что ни разу из-за дверей комнаты Паганини не раздавалось ни единого звука? А может быть, дьявольская сила помогает маэстро? Ибо где же видано, чтобы скрипач, не занимаясь, мог так играть. Это, конечно, шутка. Просто маэстро обладает каким-то секретом. Ведь помог же он дотеле неизвестному виолончелисту Гаэтаю Чианделли стать первоклассным музыкантом. И, говорят, Чианделли буквально переродился за какие-нибудь несколько дней.

— Послушайте, сударь, — прервал его Паганини. — Я действительно дал этому виолончелисту пару дельных советов, и теперь Чиан-

делали прекрасно владеет инструментом. Но Чианделли до встречи со мной усердно гнул спину не у замочных скважин, а над инструментом. Он, право, заслужил своим трудом моего участия. А вы тоже трудолюбивый музыкант?

— Нет, я, видите ли, владеец ресторана. Но любовь моя к музыке столь велика, что я приехал за вами в Вену, чтобы узнать секрет вашего искусства.

— Вы владеец ресторана! — воскликнул Паганини. — А что же вы будете делать с моим секретом? Подавать его как одно из лакомых блюд вашего меню?

— Ну что вы, что вы, маэстро! Такие шутки! Вы меня обижаете! Выслушайте меня. Я знаю множество богатых и знатных синьоров, которые не блещут ничем, кроме своего богатства. Любой из них отдал бы солидную часть своего капитала за то, чтобы выделиться среди других. Вы ведь знаете, что во всех приличных дворянских семьях наряду с обучением мужественному искусству фехтования обучают и прекрасным искусствам. Но как! Это же смешно. Мучаются ученики, мучаются учителя. А вы, синьор, являетесь обладателем бесценного капитала и не знаете, как его использовать.

— Так-так, — оживился Паганини. — А вы знаете?

— Конечно! — вдохновенно продолжал господин. — Вы раскрываете мне секрет, а я его продаю. Какие-нибудь три дня, и покупающий видит, что он не обманут, что скрипка в его руках звучит прекрасно. Он отсчитывает нам солидную сумму и не забывает прибавить к ней лишку, дабы мы не раскрывали секрета его лучшим друзьям. Мы немедленно отправляемся к его друзьям и через три дня на тех же условиях снова получаем вознаграждение...

Господин увлёкся. Чувствовалось, что он действительно очень любит музыку. Паганини глянул на часы. До вечернего концерта, первого концерта в Вене, оставалось всего несколько часов. Нужно было отдохнуть и сосредоточиться.

— Хорошо, — сказал он, прервав

предприимчивого господина. — Я открою вам секрет. Для того чтобы стать хорошим скрипачом...

Господин весь подался вперёд.

— ...Нужно десять раз в день мыть руки.

— И... это всё?

— Ну конечно, — сдерживая смех, сказал Паганини. — Разве можно с грязными руками заниматься искусством. Искусство любит чистоту, синьор рестораник.

Господин машинально поднёс руки к глазам и внимательно посмотрел на них. Паганини не выдержал и расхохотался. Господин пулей вылетел из комнаты. «Ну вот, — подумал Паганини, — ещё один злопыхатель появится».

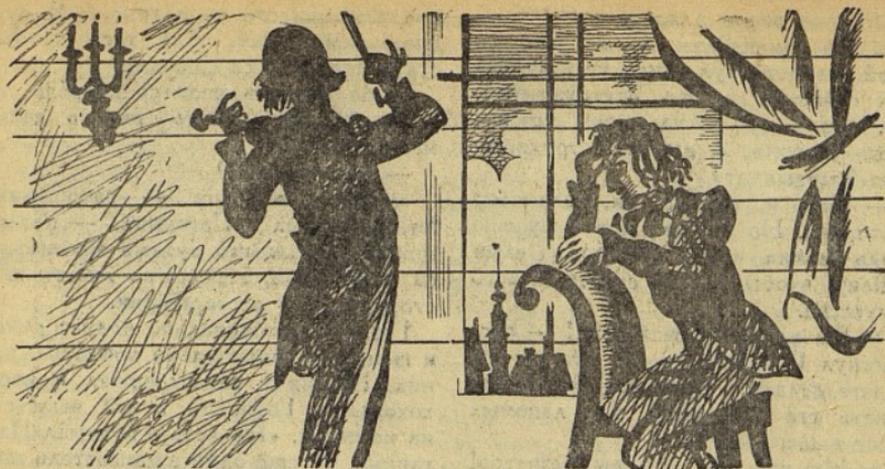
Первые концерты в Вене прошли с небывалым успехом. Темпераментные венцы не знали, как выразить свой восторг. Появились перчатки «в стиле Паганини», «причёска в стиле Паганини». Выпекались булки в виде скрипки, заядлые игроки на бильярде изобрели удар «в стиле Паганини», хотя Паганини клялся, что в жизни не брал кий в руки. И в то же время не прекращались разговоры о «секрете Паганини». Любое его движение, любой приём игры пытались толковать как возможный ключ к секрету.

Утром после одного из концертов, на котором Паганини впервые исполнил свою «Кампанеллу», маэстро стоял у окна и бездумно глядел на улицу. В ушах у него всё ещё звучали вчерашние овации. По улице сновали экипажи. Пропуская их и ожидая, когда можно будет перейти улицу, напротив гостиницы стоял молодой человек со скрипкой. «Ещё один за секретом пожаловал, — поморщился Паганини. — Ни днём, ни ночью, ни утром ранним нет покоя». И точно. Через минуту раздался лёгкий стук. Вошёл секретарь маэстро:

— Синьор Паганини, к вам скрипач Йозеф Славик. Вы примете?

— Просите, — вздохнул Паганини.

Молодой человек сразу понравился маэстро. Выглядел Славик болезненно, но взгляд его не выражал

томной усталости, видимость которой напускают на себя юные служители муз. Славик с достоинством поклонился великому скрипачу и представился.

— Прошу прощения, маэстро за столь ранний визит. К сожалению, днём и вечером я вынужден работать. Меня привело к вам нескромное желание. Вчера я с восторгом слушал вас. Прошу вас сегодня послушать меня.

— Вы хотите играть мне? — оживился Паганини. — Но у меня в номере нет фортепиано. Кто будет сопровождать ваше соло?

— Маэстро, — серьёзно сказал Славик, — я намерен сыграть не своё, а ваше соло.

— Не понимаю.

— Вы позволите?

Паганини недоумевающе кивнул и уселся в кресло. Славик поднял скрипку. С первых же звуков Паганини, едва удержав возглас изумления, чуть не вскочил с кресла. Славик играл его «Кампанеллу». «Это невероятно, — думал Паганини. — Откуда он знает ноты? Ведь «Кампанеллу» никто не издавал... А играет он так, словно год её учил. Блестяще!»

Когда Славик закончил, Паганини встал и развёл руками.

— Поздравляю вас, юноша. У вас в будущем больше, нежели у меня в

прошлом*. Да-да, пройдёт немного лет, и я оставлю скрипку, открою школу, в которой буду обучать довольно необычным способом тех, кто трудолюбив и способен. А ваша слава превысит мою. Но каким образом вы узнали ноты моей «Кампанеллы»?

— Я вчера слушал её в вашем исполнении.

— Как?! Один только раз? Допустим... Допустим, что у вас потрясающая память. Но когда же вы её успели выучить? Ведь никто из ныне здравствующих скрипачей не может осилить мои пьесы. А вам достаточно было простоять одну только ночь со скрипкой в руках...

— Нет, — усмехнулся Славик. — Я учил её лёжа и... без скрипки.

Напрасно искал Славик хотя бы оттенок удивления на лице Паганини. Маэстро удовлетворённо кивнул головой и улыбнулся.

— Вы мысленно представляли себе движения рук и слушали звучание «Кампанеллы» внутренним слухом, — сказал Паганини. И, помолчав, добавил: — Что ж, одно из двух: либо в мире отныне будут два «секрета» — секрет Паганини и секрет Славика, — либо ни одного. Ибо скрипач Йозеф Славик раскрыл секрет Паганини.

* К сожалению, многообещающее предсказание маэстро не сбылось. Талантливый скрипач Йозеф Славик умер совсем молодым.

— Но, маэстро, несмотря на молодой возраст, я достаточно потрудился для своей памяти, чтобы она теперь потрудилась для меня. А занятия без скрипки в руках утомляют меня ещё больше, нежели занятия со скрипкой.

— И всё же вы продолжаете трудиться, потому что у вас талант. Да, только у истинного таланта возникает желание неустанно трудиться — ведь ему так много нужно сказать людям... Но кто бы мог подумать, что столь молодой музыкант раскроет «секрет»... Погодите, господин Славик, скоро и о вас будут говорить, что вашей рукой водит дьявол, ибо вы, не прикасаясь к скрипке, могли выучить труднейшую пьесу. Ах эти люди, не понимающие нашего труда! Они больше верят в чертовщину, нежели в человеческий разум. Более верят в сверхъестественное, чем в естественное. А ведь наш с вами «секрет» — это самое естественное, это же сама природа. Скажите, может ли поэт записать стихотворение раньше, чем сочинит его мысленно? Берётся ли за кисть художник, не представив внутренним взором будущее полотно? Так почему же музыканты сплошь и рядом хватаются за инструмент раньше, чем представить, что они сейчас будут с ним делать. Не потому ли руки у них опережают голову и делают бог весть какие несуразные движения. Поверите ли, почти каждому музыканту, который интересовался моим мастерством, я прямо или намёком говорил о занятиях без скрипки. И что бы вы думали? Ни один из моих коллег не подумал воспользоваться этим советом. Они продолжают прорабатывать часами со скрипкой в руках, потому что верят рукам больше, чем голове. Мало того, некоторые даже читают романы во время занятий.

Славик рассмеялся:

— Если они сами не слушают себя, то и никто не захочет слушать их. Я думаю, маэстро, что игра на

скрипке не только искусство, но и наука.

— К сожалению, так считаем, наоборот, только мы вдвоём, — сказал Паганини. — Если бы я сказал сейчас всем, что мой секрет заключается именно в занятиях без скрипки, сколько словесных помоев вылили бы на мою бедную голову околумузыкальные газетные писаки. Они обвинили бы меня в том, что я намеренно ввожу в заблуждение честных музыкантов, дабы отвлечь их внимание от подлинного секрета.

— И всё же у вас есть секрет, — неожиданно сказал Славик.

— Какой же? В чём? — блестя глазами спросил Паганини.

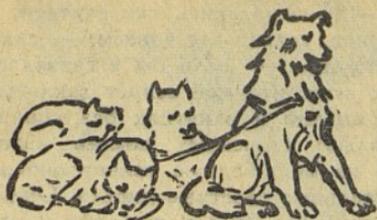
— Вот в чём, — ответил Славик, протягивая руку к груди великого маэстро, где билось его сердце. Сердце большого музыканта.

ИТАЛЬЯНСКАЯ Скрипка замолчала. Все задумались.

— Вы убеждены, что именно так всё и было? — спросил Гобой.

— Видите ли, — заметила итальянская Скрипка, — при разговоре Паганини с его посетителями ни вы, ни я и никто другой не присутствовал. А потому доподлинные слова собеседников неизвестны. Однако точно известно, что Йозеф Славик играл великому маэстро «Кампанеллу», лишь один раз прослушав её накануне. А мы с вами достаточно сообразительны, чтобы понять единственный путь, которым пришёл скрипач Славик к столь необычной встрече с Паганини. Величайшая сосредоточенность, разумность в работе. Ну и, конечно, талант.

— А мне кажется, — сказал задумчивый Гобой, — что у каждого настоящего музыканта должен быть свой «секрет». Можно, конечно, поискать и найти рецепт к виртуозному овладению инструментом, но рецепта для искренности, фантазии, своеобразия быть не может. Наверное, это хотел сказать Йозеф Славик, когда указывал на сердце маэстро.

ОШИБКА

Нарта ныряла между торосов, с визгом скоблила обледеневшие заструги. Цепочка собак, извиваясь, всё дальше бежала по берегу Восточно-Сибирского моря.

За спиной каюра, закутанного в меха скуластого паренька, придерживая рукой чемоданчик, сидел на нартах мужчина постарше. Он то и дело растирал рукавицей щёки, крутил ею вокруг носа, почти не отрывал руки от лица. Сразу чувствовалось, что на севере он — человек новый.

И впрямь, недели ещё не прошло с того дня, как молодой доктор Каратаев прибыл на север. И вот — вызов к тяжелобольному.

Нарты доктор осваивал впервые. Из-под низко надвинутой пыжиковой шапки он устало смотрел на собак. Ему было жаль этих маленьких, мохнатых, покрытых инеем «коней». Вытянувшись в струнку, опустив головы, они быстро перебирали лапами, натужно и безропотно тащили, не зная куда, нелёгкий груз. И оттого, что собаки, высунув языки, тяжело дышали, что из раскрытых

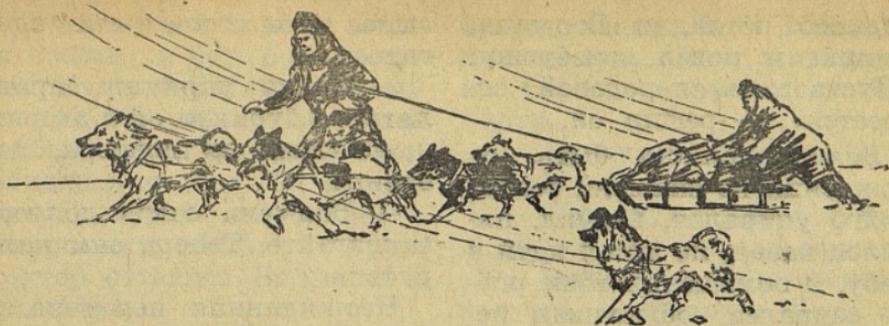
пастей валил пар и, замерзая, ложился на спины инеем, выглядели они совсем дряхлыми. Доктору казалось, что собаки вот-вот истощат последние силёнки и дальше не пойдут. Он уже ругал себя за то, что не дождался санитарного самолёта, который должен был вернуться на медпункт через два дня. Там, где упряжки взбились на торосы, Каратаев слезал и подталкивал нарту сзади. А когда каюр, щёлкнув бичом, торопил собак, Каратаев каждый раз вздрагивал, точно от боли:

— Нельзя так, Лили. Слышишь?

— Ничего! Ничего, доктор, — откликнулся сквозь ветер каюр, — я же не больно их. А без этого нельзя. Яра! Яра!

Нарта пересекала мыс, за которым расстилалась широкая бухта. Чужая близкий отдых, собаки нетерпеливо повизгивали, сильнее налегали на лямки.

Каюр направил упряжку напрямик через бухту. Это сокращало расстояние почти вдвое. Но непролазные торосы измотали собак, и они

еле-еле плелись. Только чёрный широкогрудый вожак Боцман с единственным торчащим ухом ещё держался. Иногда он с такой силой подхватывал нарту, что слабые собачонки, не устояв, падали и волоком тащились на постромках. Но в конце концов выдохся и Боцман.

Лили откинул капюшон кухлянки и, вглядываясь в темноту, указал черенком кнута на какой-то расплывчатый предмет:

— За той вон скалой рыбацкая избушка есть. Переночуем.

Едва доползли до ночлега, как собаки рухнули на снег, свернулись клубком и заснули. По урчанию и взвизгиванию нетрудно было догадаться, что им снилось. В избушке стояли железная печка, стол, табуретки, у стены лежали раскладушки, матрацы, одеяла. В углу были сложены сухие щепки.

— Хороший домик, — заметил доктор. — Толково сделано.

Каюр принялся хлопотать у печки.

Вскоре в избушке запахло

жильём. Лили притащил в чайнике снегу, поставил на печку. Горячий чай разморил парня. Он поставил раскладушку, лёг и почти сразу же заснул.

— И про собак забыл, — глядя на храпящего каюра, вслух произнёс доктор. — Продрогнут за ночь и пустую нарту не потянут. В избушку бы их, а?..

Ему не хотелось спать. Он походил взад и вперёд, сел возле печки.

Взошла луна. Она была полная и такая ослепительная, что в её холодном блеске звёзды казались бесцветными, как слюда. Доктор посмотрел в окно. Прислушался. Должно быть, спросонья тявкнула собака. Каратаев торопливо надел полушубок, вышел на улицу. Собаки, покрытые инеем, ворочались, жались одна к другой. При появлении человека Боцман приподнял голову и навострил единственное ухо. Он казался совсем беспомощным. Узловатые, натруженные, годами стоптанные лапы поддёргивались. Глаза слезились. Доктору стало жаль безответного труженика. Он

ласково погладил Боцмана, выпряг и повёл в избушку. «Пусть хоть передовой согреться», — решил он.

Вожак, должно быть, от рождения не знавший тепла, долго упирался, ворчал, пятился назад, не хотел идти в избу. В помещении тоже робко озирался, обнюхивал незнакомые предметы. Однако живительная сила тепла покорила собаку. Вскоре Боцман успокоился и мирно улёгся возле порога. Доктор вновь сел к печке, пододвинул табуретку, облокотился на неё и тоже задремал...

Проснулся он первым. Пошуровал дрова в печке, поставил чайник, вынул из дорожной сумки на стол посуду, хлеб, сахар, жареную оленину, а затем уже легонько пошевелил спящего каюра.

— Эй, Лили! Вставай. Слышишь! Надо торопиться. Скоро рассветёт.

— Я сейчас, сейчас! — зауетился Лили. — Я быстро.

Увидев в помещении вожака, каюр насупился, посмотрел исподлобья на доктора, но ничего не сказал. Пил он чай молча, торопливо, часто хмурил брови, шмыгал носом. Видно было, что парень чем-то недоволен.

«Наверно, разбудил рано, — подумал доктор. — Ничего, пройдёт». Он прилазил Боцмана, дал ему кусок жареной оленины.

Лили с шумом отодвинул в сторону пустую кружку,

вылез из-за стола и стал одеваться.

— Пойду упряжку справлять, — буркнул он в дверях и, не глядя на доктора, добавил:

— Боцмана сами, доктор, запрягайте. Теперь вам каюрить.

Неожиданная перемена в поведении Лили показалась Каратаеву странной. Чем он расстроен?

Доктор наскоро сложил в сумку остатки еды, взял Боцмана за ошейник и повёл.

Упряжка была уже на ногах. Собаки нетерпеливо вертелись у нарты, прыгали, катались по снегу и тьякали. Каюр налаживал упряжь. Доктор положил у крыльца сумку с едой, чемоданчик с аптечкой, повёл Боцмана запрягать.

При виде вожака собаки пришли в движение. Они быстро обнюхали Боцмана, зарычали. У многих взъерошилась на загривках шерсть. Сверкнули глаза. Неожиданно вся упряжка, точно по команде, рванулась к Боцману. Лязгнули зубы.

— Цыц! — прикрикнул доктор. — Своих не узнали? Пошли вон!

Собаки огрызнулись. Боцман, клыки которого приводили упряжку в трепет, сейчас казался жалким, беспомощным. Поджав хвост, он боязливо озирался на наседавшую свору. Первым повис на шее вожака шустрый Мымыль. Он выхватил у Боцмана клок шерсти, отскочил и

снова прыгнул. За ним впи-
лся жожаку в бок большегла-
зый Култук. Насел лобастый
драчун Борзый, залилась
злым лаем трусиха Совка.
Началась грызня. Псы опро-
кинули нарту, запутались в
постромках, сбились в кучу.
Доктор оттащил Боцмана к
крыльцу.

После долгих усилий мир
был водворён. Только нена-
долго. Едва Боцмана впрягли
и Лили подал жожаку коман-
ду, как собаки вновь вцепи-
лись в жожака. Они не хотели

бушки, легли. Лили в отчая-
нии швырнул кнут в сторону
и тяжело опустил на
нарту.

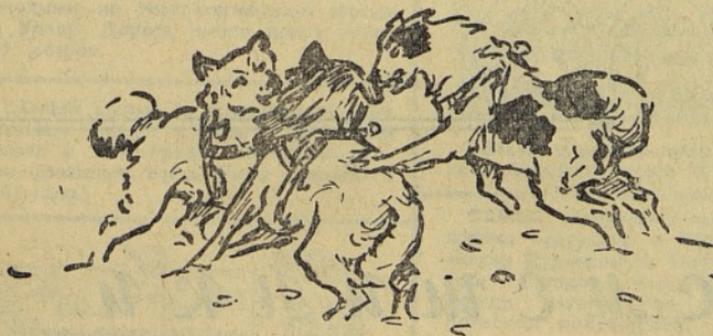
— Приехали, доктор. Сле-
зайте!

— Что случилось с соба-
ками? — недоумевал доктор.

— Жожака невзлюбили,
вот что, — буркнул Лили и
сердито сплюнул.

— Почему?

— Зачем Боцмана в дом
привели? Надо было спро-
сить. — На глазах у Лили
блеснули слезинки.

идти за Боцманом. Рванув
нарту, понесли в бухту.
Нарта, как пробка, прыгала
на застругах, взлетала на су-
гробах, ныряла в выбоинах.
Затем она шарахнулась об-
ратно, к берегу. Доктор в
страхе смотрел на бешеную
скачку, ожидая, что вот-вот
слетит и ударится головой об
острые ледяные глыбы.

Наконец каюру удалось за-
тормозить. Он отпряг Боцма-
на и пустил на волю. Но со-
баки по-прежнему с озлобле-
нием кидались в разные сто-
роны, сбивали одна другую
и, повернув к крыльцу из-

— Ну и что? — возразил
доктор. — Погреться пустил.
Ты же в тепле спал, а соба-
ки? Боцман-жожака, передо-
вой, всю упряжку ведёт, ему
больше всех достаётся.

— Всё равно нельзя выде-
лять, — с обидой произнёс
Лили. — Собаки не терпят
таких. Видели, как они Боц-
мана обнюхивали? Запах теп-
ла учуяли. Вот и вражда.
У них ведь свои порядки. Со-
баки слабеют от тепла и силь-
нее зябнут. Поняли?

Лили встал, осмотрелся
кругом и снова сел, надви-
нув шапку на лоб.

— Как бы не пришлось к больному пешком идти, — упавшим голосом проговорил он.

Между тем на востоке, у горизонта, появилась розоватая полоска. Начинало светать. Вскоре обозначилась за бухтой чёрная вершина горбатой сопки, у подножия которой находилось зимовье больного.

Где-то далеко в море раздался треск и протяжный гул. Должно быть, треснула льдина или перевернулся айсберг.

Лили молча подошёл к упряжке, выпряг собак, а Боцмана привязал к нарте, чтобы вновь не вспыхнула драка.

— Пусть побегают, успокоятся, может, и пойдут.

Боцман, привязанный к нарте, изредка бросал косой взгляд на доктора. Доктор молча топтался на одном месте. Одной рукой он держал чемоданчик с медикаментами, а другой что есть силы растирал рукавицей щёки и нос.

С М Е Ш И Н К И

В КИЕВЕ вот уже много лет издаётся республиканский сатирический журнал «Перец». Одна страничка в каждом номере журнала посвящается детям и называется она — «Перчик». Сегодня мы хотим познакомить вас с «героями» этой страницы.

СЛОЖНЫЙ ВОПРОС

— Ты знаешь, мама, сегодня на вопрос учителя никто не смог ответить.

— А что же он спросил?

— Он спросил, кто разбил окно.

ГДЕ КАНАРЕЙКА

— Ивасик, а где канарейка?

— Не знаю, мамочка. Она была здесь. Я совсем недавно её пылесосом чистил.

ПРИЧИНА

Миша встал утром, оделся и сразу же к столу.

— Ты почему не умываешься? — спросил отец.

— Так ведь у нас же каникулы начались!

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

— Валя, что у нас сейчас будет? — спросила подругу Маруся.

— Контрольная по арифметике.

— А откуда ты знаешь?

— А Коля с урока сбегал.

НЕТ ДОМА

Соседка спрашивает пятилетнего паренька:

— Ивась, мама дома?

— Мамы нет.

— А папа?

— Папа тоже спрятался.

Перевёл
Ю. БРЖЕЖИНСКИЙ

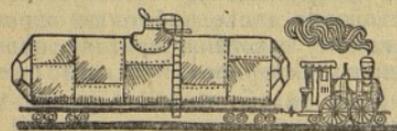
РЕКОРДЫ - ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

САМЫЙ сильный в мире электровоз мощностью 8 тысяч лошадиных сил создан в СССР на Новочеркасском заводе. Электровозы этой марки работают на крупноподъёмных дорогах Закавказья и Восточной Сибири.

САМАЯ первая в России железная дорога с паровой тягой была построена в 1834 году отцом и сыном Черепановыми на Нижнетагильском заводе на Урале. Дорога имела длину всего 857 метров.

САМЫЙ старый из железнодорожных вокзалов нашей страны — Витебский вокзал в Ленинграде. Железнодорожное движение здесь было открыто в 1837 году.

САМАЯ большая на свете железнодорожная цистерна, вмещающая 190 тысяч литров жидкости, построена во Франции.

САМАЯ большая детская железная дорога в Советском Союзе находится в городе Свободном Амурской области. Эту дорогу длиной 10,5 километра обслуживают три вокзала, два локомотива, шесть вагонов, капитальное депо и ремонтные мастерские.

САМАЯ длинная железнодорожная линия в мире — магистраль Москва—Владивосток длиной 9 тысяч километров. Построена она в 1891—1916 годах.

САМУЮ большую протяженность железных дорог имеют США — 328 тысяч километров.

САМАЯ крупная в мире электрифицированная железнодорожная магистраль — Москва — Байкал. Её длина 5500 километров.

САМАЯ длинная линия метрополитена находится в Нью-Йорке. Её протяжённость более 400 километров.

САМАЯ длинная в мире скоростная железная дорога находится в СССР; это магистраль Москва — Ленинград. Максимальная скорость движения поездов на ней — 160 километров в час.

САМАЯ короткая линия метрополитена в Стамбуле, всего 600 метров.

САМЫЕ северные в мире железные дороги построены в СССР. Это ветки между Дудинкой на Енисее и заполярным городом Норильском, а также между Мурманском и Печенгой на Кольском полуострове.

САМОЙ значительной протяжённостью электрифицированных железных дорог отличается СССР — 27 тысяч километров. Это больше, чем в США, Англии, ФРГ и Италии, вместе взятых.

САМАЯ высокогорная железная дорога проложена в Андах между Чили и Аргентиной. Она проходит по перевалу Шокомпа на высоте 3858 метров над уровнем моря.

САМАЯ большая скорость электропоезда (831 километр в час) была достигнута во Франции.

СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ

САМАЯ РЕДКАЯ

В то памятное утро маленькая радиограмма, напечатанная в советских газетах, взволновала всю страну: 13 февраля 1934 года в Чукотском море раздавлен льдами и затонул ледокол «Челюскин». На его борту находилось более ста человек — экипаж корабля и участники большой полярной экспедиции. Когда началась подвижка льдов, сдавивших корпус «Челюскина», все люди организованно высадились на поверхность замерзшего моря. Погиб лишь один человек.

На дрейфующих льдах в полутораста милях от берегов Чукотки образовался посёлок из палаток, который назвали «Лагерем Шмидта», по имени начальника полярной экспедиции, известного учёного Отто Юльевича Шмидта. Сообщая о катастрофе, О. Ю. Шмидт так заканчивал свою радиограмму: «Заверяем правительство, что несчастье не остановит нас в работе по окончательному освоению Арктики, проложению Северного морского пути».

Едва только было получено это встревожившее всех сообщение, — сразу же была организована специальная правительственная экспедиция по спасению челюскинцев. На помощь терпевшим бедствие пришла вся страна. В далёкое Чукотское море были посланы самолёты, дирижабли, ледокол «Красин», пароходы. Ведь среди ста четырёх человек, оказавшихся на льдине, были женщины и дети. Тут находилась и совсем маленькая девочка, которая родилась в пути, когда «Челюскин» плыл через воды Карского моря. Девчушку и назвали именем этого студёного моря — Кариной.

Вспомним, что событие это происходило 35 лет назад. Не было у нас самолётов, способных за один полёт преодолеть большие расстояния. Самолёты были маломощные. Они могли принять на борт лишь

ИЗ САМЫХ РЕДКИХ

небольшое количество людей. Вспомним, что стоял февраль, в тех местах особенно злой своими дьявольскими морозами и непрестанными снежными буранами.

И всё же летчики первыми добрались до «Лагеря Шмидта». 13 апреля 1934 года с льдины были сняты последние челюскинцы. Среди них был и знаменитый ледовый радист Эрнест Теодорович Кренкель, — нынешний председатель правления Всесоюзного общества филателистов.

За тем, как спасали людей «Лагеря Шмидта», следил весь мир. Советская почта решила выпустить специальную серию из десяти марок, которая теперь носит название «Челюскинская».

В то время в нашей стране ещё не было высокого звания Герой Советского Союза. Правительство установило его три дня спустя после окончания операции по спасению челюскинцев. Вскоре это звание и было присвоено семерым бесстрашным лётчикам. Тогда же было решено поместить на марках портреты героев. Подготовить челюскинскую серию к изданию поручили известному мастеру почтовой марки художнику Василию Завьялову.

На первой миниатюре перед нами предстаёт во льдах «Челюскин». Тут же портрет знаменитого полярного морехода, капитана корабля Владимира Воронина. На втором знаке — картина, изображающая ледовый «Лагерь Шмидта» и портрет начальника экспедиции. На последующих семи марках — портреты крылатых богатырей, спасших челюскинцев.

В этой галерее лётчиков первая миниатюра посвящена Анатолию Ляпидевскому. Он первый посадил свой самолёт на льдину и вывез на Большую землю всех женщин и детей. Сегодня более чем двенадцати

тысячам отважных сынов и дочерей нашего народа присвоено звание Героя Советского Союза. Но первую Золотую Звезду вручили комсомольцу Анатолию Ляпидевскому тридцать пять лет назад.

На остальных марках — другие лётчики-герои: Сигизмунд Леваневский, Маврикий Слепнёв, Иван Дорони, Михаил Водопьянов, Василий Молоков и Николай Каманин — тот самый, который командует сейчас отрядом советских космонавтов.

На десятой миниатюре художник изобразил покинутый, обезлюдивший «Лагерь Шмидта». С удивлением взирают белые медведи на реющий красный флаг, который водрузили здесь участники героической эпопеи.

Эта серия появилась в январе 1935 года и была в течение нескольких дней раскуплена. Челюскинскими марками очень интересовались и зарубежные коллекционеры. Достать эти красивые почтовые марки уже тогда было нелегко, а с каждым годом становилось всё труднее и труднее. Вот почему эта памятная серия является одной из самых редких среди советских марок.

Но среди них есть одна наиредчайшая. По своему рисунку она принадлежит к челюскинской серии, но отличается некоторыми деталями. Эти-то детали и превратили миниатюру в самую редкую из самых редких.

Что же это за удивительная редкость, о которой даже не смеют мечтать многие миллионы филателистов? Это марка с портретом лётчика Сигизмунда Леваневского.

Но на ней сделана следующая надпечатка: «Перелёт Москва—Сан-Франциско через Сев. полюс 1935», а справа — новая цена марки «1 р.» (рубль).

Вот примечательная история этого почтового знака.

Всё лето 1935 года Леваневский готовился к перелёту в Соединённые Штаты Америки, но не обычным путем через Атлантику, а через Северный полюс. Эта воздушная трасса намного короче. 13 августа 1935 года экипаж из трёх человек во главе с Леваневским взлетел с одного из подмосковных аэродромов и взял курс на Север.

В честь такого исторического перелёта советская почта решила издать специальную марку. Но до старта Леваневского оставались считанные дни, и для выпуска миниатюры не оставалось времени. Что было делать? Решили взять марку с портретом Леваневского из челюскинской серии и сделать надпечатку, о которой я сказал выше. Но даже для этой работы времени было в обрез, и почтовики страшно торопились. Именно из-за этой спешки несколько надпечаток были оттиснуты вверх ногами, а на других в названии города Сан-Франциско буква «ф» вместо прописной оказалась строчной.

С большим трудом, но марка была всё же подготовлена. Её выпустили в продажу почти накануне вылета. На Московском почтамте выстроилась очередь филателистов. Марку продавали как отдельно, так и наклеенную на конверты. Этот конверт можно было направить по любому адресу. Но куда бы его ни посылали, конверт на борту самолёта Леваневского обязательно должен был перелететь Северный полюс. Многие филателисты писали на конвертах свой же адрес. Они ждали, что по окончании перелёта их письма придут из США обратно и будут доставлены к ним на дом.

Мешки с почтой успели погрузить на борт самолёта, и Леваневский улетел. С борта крылатой

машины регулярно радиовали: «Всё в порядке». «Прошли Архангельск». «Следуем над Белым морем». В 14 часов 25 минут очередная радиограмма—«Летим над Баренцевым морем».

Прошло ещё немного времени, и Леваневский сообщил об обнаружившихся неполадках в системе маслопровода. Эта радиограмма встревожила руководителей полёта. Нарушение в питании техническим маслом авиационного двигателя могло привести к несчастью. И вскоре Леваневский получил приказ из Москвы: прервать перелёт и возвращаться обратно. Летчик выполнил приказ, повернул назад и через несколько часов приземлился на одном из аэродромов вблизи Новгорода.

Неприятно, конечно, что перелёт не удался. Но riskовать жизнью экипажа было нельзя. Особенно приуныли филателисты, которые направили свои письма «через Сев. полюс»... Столько было радужных надежд получить редкий почтовый сувенир! И вдруг всё рухнуло.

Но каково было удивление некоторых коллекционеров, когда они всё же получили заветные конверты. И что самое интересное, на конвертах был почтовый штемпель города Сан-Франциско. Оказывается, всю почту, находившуюся на борту самолёта, отправили в США обычным путём. В Сан-Франциско конверты отштемпелевали и отправили обратно по адресам, которые были на них написаны.

Когда народному комиссару связи стало известно, что перелёт прерван, сразу же прекратили продажу оставшихся на почтамте марок с надпечаткой. Всего марок с надпечатками было сделано десять тысяч. Это капля в море, если на земном шаре насчитывается около ста миллионов филателистов. Представьте себе, как мало счастливых обладателей такой редкой марки. На небольшом количестве марок оказалось маленькое «ф». Эти марки являются ещё более редкими. И всего лишь на 35 миниатюрах

надпечатка была оттиснута вверх ногами. Вот эти марки-«перевертки» и считаются наиредчайшими среди всех советских почтовых миниатюр.

Прошло менее двух лет, и на северной макушке нашей планеты совершила посадку советская воздушная экспедиция, высадившая на лёд знаменитую папанинскую четвёрку, экипаж первой в мире дрейфующей станции «Северный

полюс-1». В том же 1937 году вначале чкаловская, а следом за ним громовская тройка осуществила на самолётах «АНТ-25» перелёты Москва—Северный полюс—США, впервые открыв новую воздушную трассу над полярными пространствами. Папанинской экспедиции, перелётам Чкалова и Громова также посвящены памятные серии почтовых марок.

Э. МИРОНОВ

ДЕНЬГИ В НОЖНАХ

Кубинская народная сказка

Собрался крестьянин по делам в Гавану.

Соседи сказали:

— Будь осторожен: по дорогам рыщут разбойники, возьми с собою мачете.

Повесил себе крестьянин на пояс тяжёлый мачете. А куда же спрятать деньги? Думал, думал — и спрятал деньги в ножны.

В Гаване прожил десять дней на постоялом дворе. Наконец собрался в обратный путь. Пришёл к хозяину, говорит:

— Дай мне счёт, я заплачу тебе за постой всё, что должен.

Как принялся хозяин высчитывать: за комнату — десять песо, за кровать — десять песо, за то, что в окно смотрел, — ещё десять, за то,

что в дверь приходил, — ещё столько же...

«Ну и сваял же я дурака, что не сторговался вперёд, — подумал крестьянин. — Теперь уж хочешь или не хочешь — всё заплатить придётся». Отстегнул от пояса свой тяжёлый кинжал-кошелёк, выхватил из ножен клинок и сказал:

— Ну, получай, хозяин сполна!

А хозяин как затрясётся, как закричит:

— Сжался, миленький, надо мной! Я ошибся! Я пошутил! Ты мне должен всего десять песо!

Рассмеялся крестьянин, отдал хозяину десять песо, а сам подумал: «Верный совет мне дали соседи. Не зря тачете! я на поясе тяжёлый мачете!»

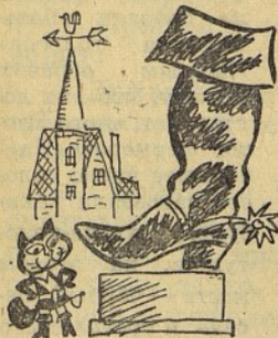
Перевод с испанского Т. ШИШЛОВОЙ

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...берёза бывает и... с чёрной корой? Такие деревья обнаружили в Семнозёрном лесхозе сотрудники Казахского научно-исследовательского института лесного хозяйства. Высота редких деревьев достигает семи метров, диаметр ствола — десять — четырнадцать сантиметров. Кора у них буровато-чёрного цвета. Такие берёзы в Северном Казахстане найдены впервые.

...сооружён градусник-гигант, высотой до десяти метров? Он установлен у автобусной станции на Эчмиадзинском шоссе (Армения). Градусник работает с помощью электроэнергии. Благодаря крупным размерам шкалы показатели его можно видеть с большого расстояния.

...самый большой в мире сапог хранится в музее «Бург Милоденштаен» (ГДР)? Высота сапога — около четырёх метров, длина подошвы — почти два метра. На его изготовление пошла кожа с десяти коров. Одна лишь подошва весит 92 килограмма. Сапог сшит в 1925 году по случаю 600-летия цеха сапожников.

...некоторые морские животные, например креветки, воспринимают инфразвуки? Когда сильный ветер проносится над гребнями морских волн, рождаются звуки, но частота возникающих при этом звуковых колебаний очень мала, и человеческое ухо их не улавливает. Поэтому это явление природы и было неизвестно людям. Его открыли учёные в 1932 году и назвали инфразвуками или «голосом моря». Услышав голос моря, морские животные прячутся: близится шторм.

...ткань излучает... тепло? Учёные разработали мужскую и женскую рабочую одежду, составная часть которой — элементы из теплоносной ткани. Как только к такой ткани подключается электрический ток, она начинает излучать тепло. Возможности теплоносной ткани одеждой не исчерпываются. Из неё можно изготавливать палатки, одеяла, чехлы и другие тёплые вещи.

...в Японии создан гигантский телевизор? Экран его 12 квадратных метров. Цветные передачи можно смотреть даже в яркий солнечный день.

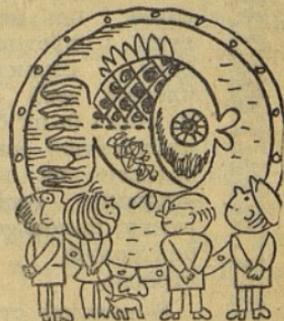
...колодец, предсказывающий погоду, есть на плато Устюрт в Казахстане? Перед дождём, туманом или снегопадом он втягивает воздух, а в погожий, сухой, солнечный день, наоборот, выталкивает его наружу. Колодец служит гурьевским чабанам природным барометром. Он исправно оповещает их о приближающейся ненастье.

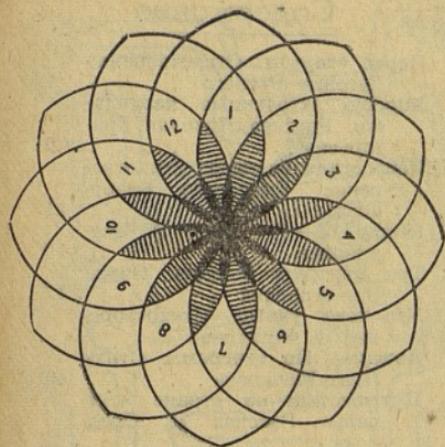
...в Риме издана антология «Все дети мира»? В ней собраны сказки, сочинённые детьми до 12-летнего возраста. Иллюстрации также сделаны ребятами.

...в 1954 году в мире было 90 миллионов телефонов? В настоящее время их уже насчитывается более 170 миллионов. Предполагается, что в 2000 году на земле будет до 600 миллионов телефонных установок.

...австралийский патруль обнаружил на Новой Гвинее неизвестное до сих пор племя? В племени всего 264 человека, и живут они в условиях каменного века.

...в Батуми сооружён крупнейший в нашей стране морской аквариум? Его населяют многочисленные представители фауны Чёрного моря, многих рек и озёр. Для крупных рыб устроен бассейн ёмкостью 200 кубических метров и глубиной 2,5 метра. Для посетителей сделаны смотровые площадки, где через большие иллюминаторы они наблюдают за жизнью подводных обитателей.

РИСУНОЧНОЕ ПИСЬМО

Эту задачу составил коллективный член Клуба смекалистых — 8-й класс Тихвинской школы-интерната.

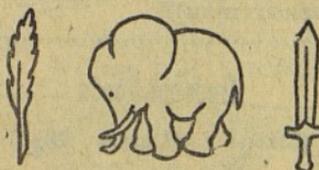
Все слова этого кроссворда — из трёх букв. Начинаются они в клетках с цифрами, причём в каждой такой клетке начинается два слова: одно читается по часовой стрелке, другое — против.

По часовой стрелке. 1. Рыба. 2. Жилая постройка. 3. Помещение для тренировочной стрельбы. 4. Особое положение в шахматной партии. 5. Насекомое. 6. Сосновый лес. 7. Геометрическое тело. 8. Плавающий знак остановки на фарватере. 9. Подношение, подарок. 10. Портовое сооружение. 11. Судно. 12. Столетие.

Против часовой стрелки. 1. Партия игры в теннис. 2. Сооружение для осмотра и ремонта кораблей. 3. Отдельная книга в собрании сочинений. 4. Высокий сапог из оленьей шкуры. 5. Высокая температура. 6. Строительный камень. 7. Повар на корабле. 8. Инструмент для сверления скважин в грунте. 9. Дерево. 10. Месяц. 11. Химический элемент. 12. Домашнее животное.

ЛЮБОПЫТНО!..

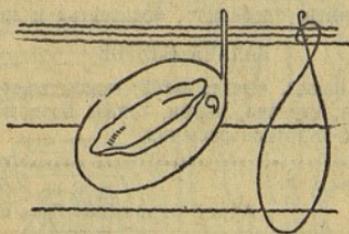
«Какие слова сами говорят о количестве букв в них? — спрашивает наша читательница Маша Сивова (332-я школа).

Напомним, как решаются «рисуночные письма». Из названий изображённых предметов нужно выписать только согласные буквы, а гласные (а также, может быть, Й, Ъ, Ы) нужно затем подобрать, исходя из поставленной задачи (в этом случае требуется прочесть японскую пословицу).

РЕБУС

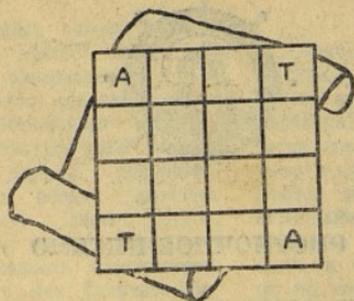
Составила Оля БУНИНА

В этом ребусе зашифровано всего одно слово... Какое?

«МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ»

Составил Алёша ЛАУГИН

Какие буквы нужно вписать в свободные клетки этого квадрата, чтобы в нём можно было прочесть четыре слова, причём каждое — два раза (раз по вертикали и раз по горизонтали)?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 3)

КРОССВОРД

1. Апатит.
2. Снимок.
3. Магнит.
4. Низами.
5. Куприн.
6. Гарпун.
7. Газета.
8. Резина.
9. Гранит.
10. Сократ.
11. Термос.
12. Ковыль.
13. Компас.

ПУТАНИЦА

Делу время, потехе час.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Оси+на=осина.

ПО ТРИ БУКВЫ

Коли с правдой, так не один.

ГЛЯДИ В ОБА...

В состав всех слов входят названия животных. Добавить можно, например, «побелка», «скатерть» и др.

ЗАДАЧА СЛОГОВ

Вывоз, выезд, возка, ездка; выстрел, стрелка, выгон, гонок. Возможны и другие решения.

Содержание

Перед стартом. Стихотворение Евгения Рыжего	1
Хорошо отточенные карандаши. Рассказ Николая Григорьева	2
Петровская баллада. Стихотворение Вячеслава Кузнецова	11
Шифр «3—7». Очерк А. Зверинцева	12
Три портрета Ильича. Очерк Эд. Аренина	17
Кто чему учится. Стихотворение В. Фетисова.	
Доверие. По вечерам... Стихи Льва Мочалова	22
Путешествие по стране «Апрель». Рассказ Н. Сладкова	23
Жаркое испытание. Рассказ Алексея Ельянова	27
«Бьёт Вьетнам врагов в лесах, в болотах...» Стихотворение Ник. Кутова	33
Автограф чемпиона. Рассказ Бориса Раевского	34
Меня нет дома. Рассказ А. Котовщиконой	40
Ночь. Стихотворение Роальда Добровенского	43
Клуб «МИ». Статья Арк. Клёнова	44
Ошибка. Рассказ Ф. Зубарева	50
Смешинки	54
Самое, самое, самое	55
Самая редкая из самых редких. Статья Э. Миронова	56
Деньги в ножнах. Кубинская народная сказка	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

- На 1-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Юные ленинцы».
- На 2-й странице обложки гравюра художника В. Сердюкова «Дворцовая площадь».
- На 3-й странице обложки — лабиринт «Кто быстрее».
- На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Бочкарёва «Космическая эра».

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, ком. 115

Сдано в набор 20/II 1969 г.

Подписано к печати 11/IV 1969 г. 4 печ. л.

М-34311. Заказ № 175. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 74 800 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

цена
10 коп.

